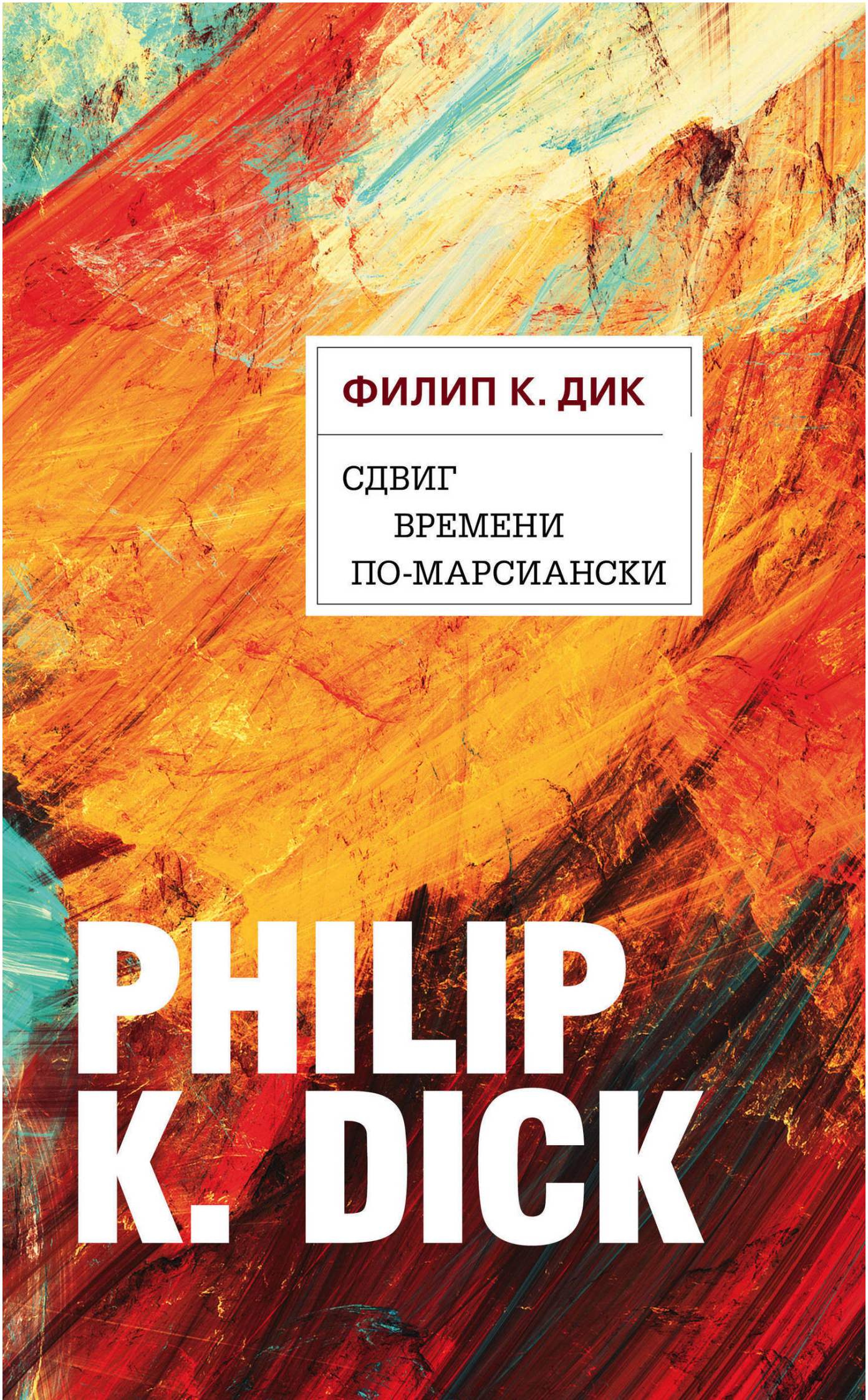
ФИЛИП К. ДИК
СДВИГ
ВРЕМЕНИ
ПО-МАРСИАНСКИ
PHILIP
K. DICK

Филип Дик

Сдвиг времени по-марсиански

«Эксмо»

Дик Ф. К.

Сдвиг времени по-марсиански / Ф. К. Дик — «Эксмо»,

ISBN 5-699-04278-4

Марсианские колонисты борются за лучшую жизнь. Особенно привлекают их идеи изменения прошлого. Потому и обращаются они к религии бликменов — коренных жителей Марса. Ведь если дух священной скалы под названием Грязная Башка проявит благосклонность, колонисты получат то, о чем просят...

ISBN 5-699-04278-4

© Дик Ф. К.
© Эксмо

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 20
Глава 4 30
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Филип Киндред Дик
Сдвиг времени по-марсиански

Глава 1

Сквозь толщу фенобарбитуратной дремы до Сильвии Болен донесся чей-то зов. Резко прорвав напластования, в которых она утопала, зов мгновенно разрушил идеальное состояние несамости.

– Мам, – снова позвал сын с улицы.

Приподнявшись на кровати, она отпила из стакана воды, опустила босые ноги на пол и с трудом встала. На часах было девять тридцать. Отыскав халат, она двинулась к окну.

«Надо завязывать. Лучше сдаться на милость шизофрении, присоединившись ко всем остальным».

Сильвия подняла штору, и ее ослепил солнечный свет привычного красновато-пыльного оттенка. Она прикрыла глаза рукой.

– В чем дело, Дэвид?

– Мам, приехал объездчик канала!

Значит, сегодня среда. Она кивнула и, повернувшись, направилась неуверенным шагом на кухню, где ей удалось поставить на плиту добротный старый глиняный кофейник.

«Что я должна? Для объездчика все готово. Так или иначе. Дэвид проследит». Она включила воду и побрызгала себе на лицо. Вода была мутной и неприятной, и Сильвия закашлялась. «Надо спустить воду в баке. Вычистить, добавить хлорки, проверить, сколько засорилось фильтров; возможно, засорились все. Неужели объездчик не может?.. Нет, это не его дело».

– Я тебе нужна? – спросила Сильвия, открывая заднюю дверь. Вокруг вихрем закружился холодный воздух, забивая легкие мелким песком. Она отвернулась, прислушиваясь к ответу сына. Его воспитание требовало отказаться от помощи.

– Думаю, нет, – проворчал мальчик.

Позднее, сидя в халате за кухонным столом и попивая кофе с тостами и яблочным пюре, Сильвия наблюдала, как приближается объездчик в плоскодонке, которая не спеша тарахтела вверх по каналу, тем не менее появляясь всегда точно по расписанию. Стоял 1994 год, вторая неделя августа. Они уже ждали одиннадцать дней и теперь наконец получат свою порцию воды из большого канала, который пролегал вдоль цепочки домов.

Объездчик пришвартовался к воротам шлюза и, захватив папку с застежками, в которой хранились его записи и инструменты, спрыгнул на землю. На нем была серая форма, забрызганная грязью, и высокие сапоги, почти доверху покрытые коричневым илом. Немец, что ли? Но когда он повернул голову. Сильвия увидела плоское славянское лицо, а над козырьком фуражки – красную звезду. Теперь очередь русских; она уже сбилась со счета.

И, судя по всему, не она одна потеряла нить последовательных смен, осуществлявшихся руководством Объединенных Наций. На крыльце соседнего дома появилось все семейство Стайнеров, намеревающееся идти к объездчику: все шестеро – отец, тяжеловесная мамаша и четверо белокурых пухленьких и шумных девочек.

Именно им отключал воду объездчик.

– Bitte, mein Herr,[1] – начал Норберт Стайнер, но, увидев красную звезду, прикусил язык.

Сильвия улыбнулась и про себя подумала: «Да, не повезло».

Через заднюю дверь в дом поспешно вошел Дэвид.

---

[1] Пожалуйста, господин *(нем.)*.

– Мам, ты знаешь? У Стайнеров вчера ночью протек бак, и они лишились половины своей воды! Так что теперь у них не хватит воды для сада, и мистер Стайнер говорит, что тот погибнет.

Сильвия кивнула, доедая последний кусочек тоста и закуривая сигарету.

– Ну разве это не ужасно, мама? – настаивал Дэвид.

– И Стайнеры хотят, чтобы объездчик перекрыл им воду попозже, – произнесла Сильвия.

– Мы не можем допустить, чтобы их сад погиб. Помнишь, когда у нас были неприятности со свеклой? Мистер Стайнер поделился с нами химикалиями, которые он привез из Дома, и все жуки передохли. А мы собирались поделиться с ними свеклой, да так и не поделились, забыли.

Верно. Она вздрогнула от внезапно нахлынувшего чувства вины; мы обещали… а они даже не напомнили, хотя сами наверняка не забыли об этом. И Дэвид всегда играет у них.

– Пожалуйста, выйди, поговори с объездчиком, – упрашивал Дэвид.

– Думаю, воду в конце месяца мы им дадим, – ответила Сильвия. – Мы же можем протянуть рукав в их сад. Но вот насчет утечки я не верю – им всегда не хватает своей доли.

– Знаю, – откликнулся Дэвид, опустив голову.

– Они не заслуживают больше, чем остальные, Дэвид. Все должны получать одинаковое количество.

– Они просто не умеют управляться с хозяйством, – заметил Дэвид. – Мистер Стайнер ничего не понимает в инструментах.

– Значит, сами виноваты.

Сильвия почувствовала раздражение и попыталась объяснить его тем, что еще не совсем проснулась. Нужен дексамин, иначе глаза у нее не раскроются до самого вечера, когда наступит время для очередного фенобарбитурата. Аптечка находилась в ванной, и, вынув бутылочку с маленькими зелеными таблетками в форме сердечка, она пересчитала их: осталось всего двадцать три штуки, вскоре придется сесть на огромный гусеничный автобус и пересечь пустыню, чтобы пополнить запасы в городе.

Над головой раздалось громкое гулкое бульканье – огромный жестяной бак на крыше начал заполняться. Объездчик закрывал ворота шлюза, мольбы Стайнеров были напрасны.

Ощущая себя все больше виноватой, Сильвия налила в стакан воды, чтобы запить утреннюю таблетку. «Если бы Джек чаще бывал дома; как без него одиноко, – подумала она. – До какой мелочности мы дошли – просто какое-то варварство. К чему все эти пререкания, нервозность, неусыпная тревога о каждой капле воды, которые пронизывают нашу жизнь? Неужели только это и ничего больше… Нам ведь столько обещали вначале».

Из соседнего дома внезапно громко завопило радио: танцевальная музыка, а потом реклама какой-то сельскохозяйственной техники.

«Глубина и угол вспашки, – разглагольствовал диктор, и его голос отзывался эхом в холодном, бодрящем утреннем воздухе, – саморегулировка и автоматический контроль обеспечат даже неопытному владельцу быстрое…»

Продолжение заглушила музыка – приемник настроили на другую волну.

Донеслась детская перебранка. И так целый день? Интересно, удастся ли ей вынести это? Да еще Джека не будет до конца недели – словно она и не замужем. Неужели ради этого она покинула Землю?.. Прижав руки к ушам, Сильвия попыталась заглушить вопли радио и крики детей.

«Надо вернуться в постель, нечего было и подниматься», – подумала она наконец, начав одеваться для дня, который предстояло прожить.

Джек Болен, сидя в кабинете своего шефа в Банчвуд-парке, беседовал по радиотелефону с отцом, который находился в Нью-Йорке. Связь, пролегавшая через систему спутников и

покрывавшая миллионы миль безвоздушного пространства, как всегда не отличалась высоким качеством, но, как бы то ни было, за звонок платил Лео Болен.

– Что ты называешь горами Франклина Рузвельта? – громко спрашивал Джек. – Ты, наверно, ошибся, папа, – там ничего нет, это совершенно пустынная местность. Можешь справиться у любого агента по недвижимости.

– Нет, Джек, я узнавал, – донесся слабый голос отца. – Хочу приехать посмотреть и обсудить все с тобой. Как Сильвия и мальчик?

– Отлично. Но послушай, не ввязывайся в это – всем известно, что на Марсе земельные участки на продажу расположены вдали от работающей сети каналов. Запомни, функционирует только одна десятая их часть. Это же чистое надувательство.

Поразительно, каким образом отец с его многолетним опытом, особенно в инвестировании необработанных земель, легко попался на крючок. Неужели за эти годы так постарел! Джеку стало страшно. По письмам ни о чем нельзя было судить: отец диктовал их стенографисткам компании.

Или, может, время течет по-разному на Земле и на Марсе – он читал статью, посвященную этой гипотезе в каком-то психологическом журнале. И когда его отец появится здесь, он будет напоминать трясущиеся седовласые мощи. Неужели никак не отвертеться от этого визита?.. Хотя Дэвид будет рад деду, да и Сильвия его любит.

Тем временем слабый голос издалека сообщал Джеку Болену нью-йоркские новости, не представлявшие для него никакого интереса. Все это казалось Джеку совершенно нереальным. Десять лет назад в результате титанического усилия ему удалось вырваться с Земли, и он не желал ничего о ней слышать.

И все же связь с отцом сохранялась, а в ближайшем будущем она еще и укрепится в результате первого путешествия старика за пределы Земли; он всегда хотел слетать на другую планету, пока не поздно. Другими словами-до своей смерти. Лео был настроен решительно. Несмотря на усовершенствование крупных межпланетных кораблей, путешествие оставалось рискованным, но его это не волновало. Ничто не могло ему помешать, на самом деле он уже зарезервировал себе место.

– Господи, отец, это же замечательно, что ты готов к такому трудному пути! Надеюсь, ты справишься, – смирился Джек.

С противоположной стороны стола на него взирал шеф, мистер И, в руках сжимавший лист желтой бумаги со служебным запросом. Тощий длинный И в однобортном костюме и галстуке бабочкой… китайский стиль одежды прекрасно укоренился здесь, на чужой почве, смотрелся так же естественно, как если бы И вел дело в Кантоне.

И указал на листок бумаги, после чего молча изобразил, что в нем содержится: сначала он слегка подрожал, потом продемонстрировал, как переливает что-то из одной руки в другую, а затем утер лоб и расстегнул воротничок, будто изнемогая от жары. Потом поднял костлявое запястье и уставился на часы. Полетела холодильная установка на какой-то молочной ферме – понял Джек Болен. Причем дело срочное – если не поспешить, молоко испортится на дневной жаре.

– Ладно, пап, буду ждать от тебя сообщений. – Джек попрощался и повесил трубку. – Извините, что так долго, – сказал он шефу и взял у него листок.

– Пожилому человеку не стоило бы ехать сюда, – спокойно, но категорично заметил И.

– Ему хочется взглянуть, как мы тут живем, – ответил Джек.

– И чем он сможет помочь, если ваши дела окажутся не настолько хороши, как ему хотелось бы? – презрительно улыбнулся И. – Может, он предполагал, что вы тут разбогатеете? Так сообщи ему, что здесь нет алмазов. Их успели прикарманить Объединенные Нации. Что касается вызова по поводу холодильной установки, то согласно записям мы уже чинили ее два

месяца назад, та же самая неисправность. Там что-то с источником питания или изоляцией. Время от времени двигатель начинает барахлить, пока не выскакивает предохранитель.

– Я посмотрю, что у них еще подключено к генератору, – ответил Джек.

«Работать на И нелегко», – думал он, поднимаясь на крышу, где стояли вертолеты компании. Все поставлено на рациональную основу. И выглядел и вел себя словно механизм. Шесть лет тому назад – ему тогда было двадцать два – он высчитал, что более доходно вести дело на Марсе, где крайне нуждались в ремонте и профилактике разнообразной техники, так как стоимость перевозки новых деталей с Земли была непомерно высока. Старый тостер, безрассудно выкидывавшийся на Земле, на Марсе подлежал починке. И была симпатична сама идея сохранения вещей. Будучи воспитан в пуританской атмосфере всеобщей бережливости Народного Китая, он не одобрял расточительства. А работая инженером в провинции Хэнань, приобрел необходимый опыт. Таким образом он спокойно и методично подошел к решению, которое большинству людей грозило катастрофическим эмоциональным стрессом. И готовился к расставанию с Землей, словно собирался нанести визит дантисту для вставления пары нержавеющих челюстей. Он рассчитал до последнего доллара сумму накладных расходов при открытии своего дела на Марсе. Предприятие выглядело не слишком прибыльным, зато требовало высокого профессионализма. За шесть лет, начиная с 1988 года, дело настолько разрослось, что в неотложных случаях обращались только к мастерам его компании – а что нельзя считать неотложным случаем в колонии, которая с трудом выращивает себе редиску и охлаждает мизерные надои молока?

Джек Болен захлопнул дверцу, завел мотор и начал подниматься над зданиями Банчвуд-парка в подернутое дымкой тусклое небо, отправляясь на свой первый вызов.

Вдалеке справа совершал посадку огромный корабль с Земли, опускаясь на широкий базальтовый круг посадочной площадки для пассажирского транспорта. Вскоре к кораблю поспешат автоматы с дистанционным управлением, которые продезинфицируют пассажиров, избавив их от всевозможных вирусов, бактерий, насекомых и приставших семян сорняков; пассажиры выйдут голенькими, словно новорожденные, и пройдут через химические ванны, где им предстоит плескаться в течение восьми часов всевозможных проверок. А когда будет обеспечена безопасность колонии, их выпустят на свободу, чтобы самостоятельно заботиться о собственной жизни. Возможно, некоторых даже отправят назад на Землю – тех, у кого в результате трудного путешествия проявятся генетические дефекты.

Джек подумал, что его отец терпеливо перенесет иммиграционную процедуру. «Так нужно, мальчик, – скажет он. – Так необходимо». Задумчивый старик с сигарой во рту… философ, все образование которого свелось к семи классам нью-йоркской общеобразовательной школы, да еще в самый тяжелый ее период. Каким-то образом отец всегда чувствовал, как надо себя вести, причем не в социальном плане, а в более глубоких, неизменных отношениях. «Он приспособится к этой жизни, – решил Джек. – Даже за короткое посещение он акклиматизируется лучше, чем мы с Сильвией. Почти как Дэвид…»

Они подружатся, дед и внук. Оба умные и практичные и в то же время неуемные романтики – чем еще объяснить неожиданное желание отца купить землю где-то в горах Франклина Рузвельта? Это была последняя вспышка надежды, вечно питавшей отца: земля, продающаяся почти за бесценок, не имеющая покупателей, на границе обитаемых областей Марса.

Внизу Джек заметил канал имени сенатора Тафта и выровнял вертолет по нему. Канал приведет его к молочной ферме Мак-Олифа с тысячами акров засохшей травы и когда-то призовым стадом джерсиек, теперь лишь отдаленно напоминавших своих предков. Таков был обитаемый Марс – паутина расходящихся и пересекающихся каналов, которые едва поддерживали жизнь, не более того. Канал сенатора Тафта, оказавшийся непосредственно под вертолетом, являл собой отвратительную зелень: здесь воду еще не отфильтровали и не пропустили сквозь шлюзы, она содержала в себе все вековые наносы – донный ил, песок и грязь, делавшие ее

непригодной для питья. Одному Господу известно, какие щелочи поглощает здешнее население. Однако оно продолжало жить. Эта желто-коричневая мутная жижа не смогла погубить их. А к западу лежат земли, все еще ожидавшие, когда наука человечества явит им свое чудо.

Археологические экспедиции, прибывшие на Марс в начале 70-х, бойко рисовали этапы отступления старой цивилизации, которую должно было заменить человечество. Она так и не сумела как следует освоить пустыню. Вероятно, подобно земной цивилизации Тигра и Евфрата, аборигены жались к источникам орошения. Даже в пору своего расцвета старая марсианская культура занимала лишь пятую часть планеты, предоставив остальным землям пребывать в первозданном состоянии. Например, дом Джека Болена, находившийся невдалеке от слияния каналов Уильяма Батлера Йитса и Геродота, стоял почти на границе земель, которые культивировались в течение последних пяти тысяч лет. Болены считались недавно прибывшими, хотя одиннадцать лет назад никто не предполагал, что эмиграция так резко прекратится.

В радиопередатчике зазвучали шумы, которые внезапно прервал металлический голос И:

– Джек, у меня есть для тебя дополнительный вызов. Представитель Объединенных Наций сообщил о неполадках в общеобразовательной школе, а собственного мастера у них сейчас под рукой нет.

Джек взял микрофон.

– Простите, мистер И, мне кажется, я уже говорил вам – моя квалификация не распространяется на школьные приборы. Лучше попросите заняться этим Боба или Пита. («Я-то точно знаю, что говорил», – добавил он про себя.)

Но логика шефа оставалась непробиваемой:

– Это необходимо, и мы не можем отказываться, Джек. Мы никогда не отказывались от ремонтных работ. У тебя неправильное отношение к делу. Я вынужден настаивать, чтобы ты принял вызов. При первой возможности я пошлю к тебе в школу еще одного мастера. Спасибо, Джек. – И повесил трубку.

«И вам спасибо», – ядовито заметил Джек Болен про себя.

Теперь внизу показалось второе поселение – Льюистаун, столица союза водопроводчиков колонии. Организованный на планете одним из первых, союз объединял ремонтных рабочих. И не имел к нему никакого отношения. Если работа у И станет совсем уж невыносимой, Джек Болен всегда может перебраться в Льюистаун, вступить в союз и работать, получая даже еще большую зарплату. Однако ему не по душе были последние политические события в союзе водопроводчиков. Арни Котта избрали президентом местного отделения работников водного хозяйства только в результате очень своеобразной предвыборной кампании с явными нарушениями при голосовании. И установленный им режим не вызывал у Джека никакого желания становиться его подчиненным: то, что он видел, сильно напоминало тиранию раннего Средневековья с оттенком семейственности. Тем не менее с экономической точки зрения колония процветала. В ней осуществлялась передовая программа общественных работ, а налоговая политика позволяла собрать огромную сумму наличных средств. Колония была не только богата, но и могла обеспечить приличной работой всех своих обитателей. За исключением израильского поселения на севере, она являлась самой жизнеспособной на всей планете. Главным козырем израильтян были ударные сионистские бригады, которые расселялись в пустыни для осуществления всевозможных проектов – от выращивания апельсинов до очистки химических удобрений. Новый Израиль в одиночку поднял чуть ли не треть пустынных земель. Более того, это было единственное марсианское поселение, в любых количествах экспортирующее свою продукцию на Землю.

Столица водопроводчиков, Льюистаун, пропала из виду, внизу проплыл памятник Алджеру Хиссу – первому мученику Объединенных Наций, и снова началась пустыня. Джек откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Из-за настырных подгоняний он забыл взять термос с кофе, отсутствие которого теперь очень угнетало. Глаза у Джека слипались. «Им не

заставить меня работать в школе, – заметил он про себя; впрочем, в этом замечании было больше злости, чем убеждения. – Брошу все». Но он знал, что не бросит. Он отправится в школу, повозится там около часа, делая вид, что занят починкой, а потом приедет Боб и все сделает. Репутация фирмы будет спасена, и все будут довольны, включая И.

Джеку доводилось несколько раз бывать в школе с сыном. Но это было совсем другое. Дэвид учился лучше всех в классе, занимаясь с самыми совершенными обучающими машинами. Он засиживался допоздна, выполняя почти всю университетскую программу, которой так гордились Объединенные Нации… Джек взглянул на часы-десять утра. Сейчас, как он помнил из своих посещений и рассказов Дэвида, тот занимается с Аристотелем, изучая основы философии, логики, грамматики, поэтики и архаической физики. Из всех обучающих машин Дэвид, похоже, больше всего получал от Аристотеля, что радовало – многие дети предпочитали более лихих преподавателей: сэра Фрэнсиса Дрейка (английская история и основы мужской вежливости) или Авраама Линкольна (история Соединенных Штатов, основы современного ведения войны и государства), а иногда и таких мрачных персонажей, как Юлий Цезарь и Уинстон Черчилль. Сам Джек родился слишком рано, чтобы воспользоваться преимуществами нынешней системы автоматического обучения, мальчиком ему приходилось сидеть в одном классе с шестьюдесятью ребятами, а в старших классах – и в тысячной аудитории, слушая преподавателя, выступавшего на телеэкране. Однако, если бы ему довелось попасть в современную школу, он быстро бы выбрал себе любимого учителя: при посещении школы с Дэвидом, в первый же родительский день, он увидел обучающую машину Томас Эдисон, и больше ему уже ничего не требовалось. Дэвид потратил почти целый час, пытаясь оттащить отца от машины.

Внизу, под вертолетом, пустыня уступала место прериям, поросшим редкой травой. Ограда из колючей проволоки отмечала владения Мак-Олифа и одновременно область, находящуюся под управлением Техаса. Отец Мак-Олифа был техасским нефтяным миллионером и финансировал полеты на Марс собственных кораблей; он обскакал даже союз водопроводчиков.

Джек вынул изо рта сигарету и начал опускаться, пытаясь отыскать в слепящих солнечных лучах здания фермы.

Небольшое стадо коров шарахнулось от шума вертолета и галопом бросилось врассыпную. Лучше бы Мак-Олиф – низкорослый мрачный ирландец – не заметил этого. Мак-Олиф не без оснований нервничал по поводу своих коров: ему казалось, что весь уклад марсианской жизни направлен против них, что все заставляет их худеть, болеть и уменьшать надои.

Джек включил передатчик и произнес в микрофон:

– Это мастер из компании И, Джек Болен, по вашему вызову. Прошу посадки.

Он подождал, пока с ранчо не донесся ответ:

– О'кей, Болен, площадка готова. Конечно, бессмысленно спрашивать, что вас так задержало, – сварливо добавил Мак-Олиф.

– Сейчас буду, – скорчив гримасу, откликнулся Джек. Он уже различал впереди здания, белевшие на фоне песка.

– У нас здесь пятнадцать тысяч галлонов молока, – продолжал Мак-Олиф. – Если вы в ближайшее время не почините этот чертов холодильник, все испортится.

– Мигом сделаем. – Джек зажал уши большими пальцами и скорчил рожу громкоговорителю.

Глава 2

Бывший водопроводчик, президент марсианского союза работников водоснабжения Арни Котт поднялся с постели в десять утра и сразу же по обыкновению направился в парилку.

– Привет, Гус.

– Привет, Арни.

Его все называли по имени, и правильно. Арни Котт кивнул Биллу, Эдди и Тому, когда они поздоровались с ним. Пар оседал у его ног, стекал по изразцам, и влага выводилась наружу. Эта мелочь доставляла ему удовольствие: обычные ванны конструировались таким образом, чтобы воспрепятствовать утечке воды. У него же вода вытекала в раскаленный песок и исчезала навсегда. Кто еще мог себе позволить такое? «Хотелось бы мне посмотреть, кто из этих богатых евреев в Новом Иерусалиме имеет такие парилки», – ухмылялся он про себя.

Встав под душ, Арни Котт обратился к приятелям:

– До меня дошел слушок, который нужно как можно скорее проверить. Знаете картель португальцев из Калифорнии, которые приобрели горный кряж Франклина Рузвельта и пытались там добывать железную руду, но содержание ее оказалось слишком невысоким по сравнению с затратами? Я слышал, они продали свои участки.

– Да, мы тоже слышали, – закивали присутствующие. – Интересно, сколько они на этом потеряли. Наверно, страшные деньги.

– Нет, – возразил Арни, – говорят, они нашли покупателя, готового с лихвой возместить все убытки, так что они останутся даже в прибыли. Хотел бы я знать, что за сумасшедший покупает эту землю! У меня ведь есть кое-какие права на добычу минералов. Узнайте, кто купил землю и что там замышляется.

– Да, хорошо бы выяснить. – Все снова покивали, только Фред, выйдя из-под душа, заметил:

– Я узнаю, Арни, – и добавил, не оборачиваясь: – Займусь этим прямо сейчас.

Арни старательно намылился и обратился к оставшимся:

– Должен же я защищать свои права на добычу минералов! Я не потерплю, чтобы сюда явился какой-нибудь бездельник с Земли и начал превращать эти горы, например, в национальный парк для пикников. Я говорю вам только то, что слышал. Мне известно, что около недели назад туда ездила группа коммунистических начальников из России и Венгрии – приглядывались. Вы думаете, проиграв в прошлом году, они сдались? Как бы не так! У них мозги, как у насекомых, и, как насекомые, они всегда возвращаются к одному и тому же. Красным не терпится устроить коммунизм на Марсе; они там на Земле спят и видят это. Не удивлюсь, если выяснится, что португальцы из Калифорнии продали землю коммунистам и в ближайшем будущем они переименуют горы Франклина Рузвельта в горы Иосифа Сталина.

Все понимающе рассмеялись.

– А теперь меня ждут дела, – заключил Арни Котт, смывая мыльную пену под яростными струями горячей воды. – Надеюсь, остальное вы раскопаете сами. Например, я тут ездил на восток, где у нас идет эксперимент с дынями. Похоже, нам удалось внедрить новоанглийский сорт и приспособить его к здешним условиям. Я-то знаю, как все любят кусочек мускусной дыни на завтрак.

– Верно, Арни – согласились все.

– Но в голове у меня не только дыни. На днях нас посетили представители Объединенных Наций с протестом против нашего отношения к черномазым. Или мне не следует так говорить: наверное, я должен называть их, как эти ребята из Объединенных Наций, – «остаточное местное население» или попросту – бликмены. Имелось в виду наше решение оплачивать труд занятых на шахтах бликменов ниже установленного уровня, я имею в виду – ниже минималь-

ной ставки. Потому что даже эти ангелы из Объединенных Наций не могут всерьез рассчитывать, что мы станем платить им целую ставку. Как бы там ни было, перед нами стоит проблема: с одной стороны, мы не можем платить бликменам минимальную ставку, потому что они работают настолько плохо, что мы разоримся, а с другой – мы вынуждены использовать их в шахтах, потому что никто другой там дышать не может. Нам не по карману специальное оборудование в достаточных количествах. Кто-то Дома здорово наживается на кислородных баллонах, компрессорах и прочем. Это настоящий рэкет, и мы не дадим обвести себя вокруг пальца.

Все мрачно молчали.

– Ну так вот, нельзя позволить бюрократам из Объединенных Наций диктовать нам, как нам жить в нашем поселении, – продолжил Арни. – Мы начали здесь трудиться еще до того, как они вкопали свой флаг в песок; у нас уже были дома, а им еще и писать было некуда.

– Верно, Арни, – закивали ребята.

– И тем не менее беда в том, что эти фрукты из Объединенных Наций контролируют каналы, а нам тоже нужна вода: она нужна нам для транспортировки грузов, как источник энергии, нужна для питья и для такого вот купания. Я хочу сказать, что эти гады в любой момент могут перекрыть воду; так что мы у них в руках.

Он вышел из-под душа и прошлепал по теплым влажным изразцам за полотенцем, которое наготове держал служитель. От мыслей об Объединенных Нациях у Арни заболел живот, а с левой стороны заныла старая язва двенадцатиперстной кишки. «Лучше позавтракать», – подумал он.

Служитель помог ему облачиться в серые фланелевые брюки, футболку, ботинки из мягкой кожи и военно-морское кепи. Арни вышел из парилки, пересек коридор и вошел в свою столовую, где Гелио, повар из бликменов, уже приготовил завтрак. Не раздумывая он сел за стол, на котором ждали горячие лепешки, бекон, кофе, стакан апельсинового сока и воскресный номер нью-йоркской «Таймс» за предыдущую неделю.

– Доброе утро, мистер Котт, – выглянула из приемной секретарша в ответ на нажатие кнопки – он еще не видел эту девушку.

«Не слишком симпатичная», – решил Арни, бросив на нее оценивающий взгляд, и вернулся к газете. К тому же еще и называет его «мистер Котт».

Он отхлебнул сок и прочитал статью о гибели межпланетного корабля с тремя сотнями пассажиров на борту, принадлежавшего японскому коммерсанту и транспортировавшего велосипеды. Это рассмешило его. Велосипеды в космическом пространстве, и все погибли. Жаль, на планете с такой маленькой массой, как Марс, где нет никаких источников энергии, если не считать системы грязных каналов, и где даже керосин стоит целое состояние, велосипеды представляли бы существенную экономическую ценность. Можно было бы совершенно бесплатно путешествовать на сотни миль, даже через пустыню. Единственные, кто мог себе позволить турбинный транспорт, работающий на керосине, это жизненно важные службы: монтеры, команды технического обслуживания, ну и, конечно, официальные представители, такие как он сам. Разумеется, существовал и общественный транспорт – трассы гусеничных автобусов соединяли одно поселение с другим. Но автобусы ходили нерегулярно и зависели от доставки топлива с Земли. К тому же, что касается лично Арни, они вызывали у него приступы клаустрофобии – так медленно передвигались.

Чтение «Таймс» напомнило Арни Дом, и ему ненадолго показалось, что он снова на Земле, в Южной Пасадене: его семья подписывалась на «Тайме», и он вспомнил, как мальчиком носил газету из почтового ящика, висевшего на улице, усаженной абрикосовыми деревьями. Теплая пыльная улочка, вдоль которой стояли аккуратные одноэтажные домики с припаркованными машинами и еженедельно подстригавшимися газонами. Именно этих газонов ему и недоставало – с тачками удобрений, семенами, садовыми ножницами и сетчатой оградой для домашней птицы по ранней весне… и все лето напролет работающими обрызгивателями,

насколько это допускалось законом. На Земле тоже недостаток воды. Как-то его дядю Пола даже оштрафовали за то, что тот мыл машину в день экономии воды.

Дальше в газете встретилась статья о приеме в Белом доме в честь миссис Лизнер, осуществившей восемь тысяч терапевтических абортов в качестве представителя агентства по контролю за рождаемостью и давшей тем самым пример всему женскому населению Америки. «Что-то вроде медсестры – решил Арни Котт. – Благородное занятие для женщин».

Он перевернул страницу.

Там крупным шрифтом на четверть страницы сияло приглашение эмигрировать на Марс, которое он сам помогал составлять. Арни откинулся на спинку кресла и сложил газету, испытывая истинную гордость, – на его взгляд, приглашение выглядело прекрасно. Оно, несомненно, должно привлечь людей, если у тех еще осталась доля здравого смысла и искренняя страсть к приключениям, как говорилось в газете.

В приложении перечислялись все профессии, требующиеся на Марсе. Список был довольно длинным, отсутствовали там разве что проктологи да специалисты по разведению канареек. Там указывалось также, насколько сложно получить работу на Земле лицу даже с магистерской степенью, в то время как на Марсе хватало высокооплачиваемых должностей и для бакалавров.

«Это должно пронять их», – подумал Арни. Он сам эмигрировал из-за своей бакалаврской степени. На Земле для него было все закрыто, поэтому он прилетел на Марс в качестве простого водопроводчика, а теперь, по прошествии нескольких лет, посмотрите, чего он достиг. На Земле водопроводчик-бакалавр мог рассчитывать только на уборку дохлой саранчи в Африке в составе американских рабочих бригад. Кстати, его брат Фил этим и занимался в настоящее время: он закончил Калифорнийский университет, но так и не смог найти работу лаборанта по анализу качества молока. Одновременно с ним университет выпустил еще сотню таких специалистов, и кому они нужны? На Земле для них работы не осталось. «Летите на Марс, – заключил про себя Арни. – Здесь мы найдем вам применение. Стоит лишь поглядеть на дохлых коров с молочных ферм за городом. Вот пусть и тестируют им молоко».

Но приложение хитро умалчивало, что на самом деле эмигрантам на Марс ничего не гарантировалось, даже возможность вернуться домой, так как полеты на Землю стоили гораздо дороже из-за неадекватных возможностей взлетных площадок. И уж конечно, никому ничего не гарантировалось с точки зрения занятости. А виноваты в этом крупные державы на Земле, такие как Китай, Соединенные Штаты, Россия и Западная Германия, которые, вместо того чтобы поддерживать планомерное развитие планет, занялись дальнейшими исследованиями.

Они тратили время, мозги и деньги на звездные проекты, например, на полет к Центавру уже потрачены миллиарды долларов и человеко-часов. Арни Котт не видел никакого смысла в этих звездных проектах. Кто захочет четыре года лететь в другую систему, где и планет-то, наверное, нет?

Но в то же время Арни боялся, как бы космическая политика крупных земных держав не изменилась. Что, если в одно прекрасное утро они проснутся и пересмотрят свое отношение к колониям на Марсе и Венере? Что, если они отдадут себе отчет в их слаборазвитости и решат что-нибудь предпринять? Другими словами, что будет с Арни Коттом, если великие державы образумятся? Тут есть над чем поразмыслить.

Впрочем, великие державы не проявляли признаков разумности. Они все еще были одержимы соперничеством и сейчас, к облегчению Арни, продолжали борьбу между собой на расстоянии двух световых лет от Марса.

Перелистывая газету, он наткнулся на небольшую заметку о женской организации в Берне, Швейцария, которая в очередной раз выражала беспокойство по поводу колонизации.

Колониальный Комитет Безопасности встревожен состоянием посадочных площадок на Марсе.

В петиции, адресованной Колониальному департаменту Объединенных Наций, дамы снова высказывали свою обеспокоенность тем, что посадочные площадки на Марсе, на которые прибывали корабли с Земли, слишком удалены от мест поселений и системы водоснабжения. Иногда пассажирам, включая женщин, детей и стариков, приходится преодолевать сотни миль по пустынной местности. Колониальный Комитет Безопасности просил Объединенные Нации издать постановление, обязывающее корабли совершать посадку лишь на космодромы, находящиеся в радиусе двадцати пяти миль от главного канала.

«Заботливые наши», – подумал Арни Котт, прочитав заметку. Вероятнее всего, никто из них никогда не покидал Землю: они узнали об этом из какого-нибудь письма, от какой-нибудь престарелой тети, живущей здесь на пенсию на бесплатных землях Объединенных Наций. Ну и конечно, их сведения черпались у постоянного члена организации, обитательницы Марса, некой миссис Энн Эстергази: она распространяла ксерокопии этого письма среди общественно активных дам в разных поселениях. Арни получал и читал ее информационный бюллетень «Заметки ревизора», название которого неизменно вызывало у него смех. Смешили его и вставки, состоявшие из одной-двух строк и публиковавшиеся между статьями:

Боритесь за высокое качество очистки питьевой воды! Общение с церковнослужителями гарантирует такую степень фильтрации, которой можно гордиться!

Суть некоторых статей «Заметок ревизора» Арни и вовсе не понимал – на таком странном жаргоне они были написаны. Однако совершенно очевидно, что этот бюллетень имел широкую аудиторию сторонниц, которые все серьезно принимали к сердцу и предпринимали требующиеся от них акции. Можно было не сомневаться, что в настоящее время они присоединились к жалобам Колониального Комитета Безопасности на опасную отдаленность посадочных площадок на Марсе от источников воды и человеческих поселений. Они выполняли свою роль в очередной великой битве, и на этот раз Арни Котт был вполне доволен, так как из двадцати с небольшим посадочных площадок на Марсе лишь одна располагалась в двадцати пяти милях от главного канала, и обслуживала она именно его поселение. Если каким-нибудь образом настойчивость Колониального Комитета увенчается успехом, все прибывающие с Земли пассажирские корабли станут совершать посадку у Арни Котта, и таможенные сборы будут поступать в его поселение.

То, что миссис Эстергази со своим бюллетенем и организацией на Земле боролась за экономически выгодное для Арни дело, было далеко не случайным. Энн Эстергази являлась бывшей женой Арни. Они и сейчас сохраняли дружеские отношения, совместно владея целым рядом предприятий, основанных или приобретенных ими за время брака. Они сотрудничали на самых разных уровнях, несмотря на то что в личных отношениях никогда не могли найти общего языка. Арни считал ее агрессивной, властной и мужеподобной. Высокая и худая, она ходила широкими шагами в туфлях на низком каблуке, носила твидовый пиджак, темные очки и огромную кожаную сумку на ремне. Однако она была умна, интеллигентна и обладала прирожденными организаторскими способностями. Так что в деловой сфере Арни прекрасно с ней ладил.

То, что Энн Эстергази была его женой и они до сих пор сохраняли финансовые связи, не предавалось широкой огласке. Когда ему требовалось связаться с ней, он не пользовался услугами своих стенографисток. Вместо этого он наговаривал сообщение на диктофон, хранившийся у него в столе, и отправлял кассету с пленкой со специальным посыльным. Посыльный доставлял кассету в художественный магазин, который принадлежал Энн в Израильском поселении, а ее ответ, если в нем была необходимость, оставлялся в офисе цементного завода, которым владел зять Арни – Эд Рокингхэм, муж его сестры.

Год назад, когда Эд выстроил дом для себя, Патриции и своих троих детей, он приобрел бесценное сокровище – собственный канал. Грубо нарушив закон, он вырыл канал для себя и теперь забирал воду из общественной сети. Даже Арни это привело в ярость. Но в то время иск не предъявили, и теперь канал, скромно названный в честь старшего сына Эда, катил свои воды на восемьдесят миль в открытую пустыню, так что Пат Рокингхэм могла позволить себе жить в прелестном уголке со своим газоном, бассейном и хорошо орошаемым цветником. В основном она выращивала большие кусты камелий, которые лишь ей удалось успешно культивировать на Марсе. Обрызгиватели вращались и поливали камелии целыми днями напролет, не давая им засохнуть и погибнуть.

Двенадцать огромных камелий, прямой вызов Арни Котту! У него были не слишком хорошие отношения с сестрой и Эдом. «И зачем они явились на Марс? – недоумевал он. – Чтобы тратить то, на что здесь идут неимоверные средства и усилия. Но для этого можно было оставаться и на Земле». Ему это представлялось абсурдным. Для Арни Марс был неизведанным местом, символизировавшим новый образ жизни. Вместе с другими поселенцами, и взрослыми и детьми, ему пришлось в процессе адаптации к новой жизни ежеминутно приспосабливаться к новым условиям, так что теперь они превратились в совершенно новых существ. И дети их, рожденные на Марсе, тоже были особенными, странными и в некоторых отношениях загадочными даже для собственных родителей. Двое его сыновей – его и Энн – сейчас жили в лагере, в пригороде Льюистауна. И когда он навещал их, ему не удавалось найти с ними общий язык: парни смотрели на отца пустыми глазами, словно ожидая, когда же наконец он уедет. Насколько мог судить Арни, мальчики были абсолютно лишены чувства юмора. И тем не менее они тонко чувствовали: могли бесконечно говорить о животных, растениях, пейзаже. У обоих были свои любимцы – марсианские существа, которые приводили Арни в ужас: огромные насекомые вроде богомолов, но размером с осла. Чертовы твари назывались боксерами, так как частенько становились на задние лапы и принимались колотить друг друга в ритуальной битве, которая порой заканчивалась смертью и пожиранием побежденного. Но Берт и Нед выдрессировали своих боксеров, чтобы те не слишком усердствовали и не съедали друг друга. И эти твари превратились в их друзей: дети на Марсе чувствовали себя одиноко, отчасти потому, что их было еще очень мало, а отчасти… Впрочем, Арни не знал почему. В огромных детских глазах прятался страх, словно им чего-то не хватало. Они становились замкнутыми, при каждом удобном случае уходили в пустыню. Назад в поселения они приносили совершенно бесполезные вещи – кости и остатки старой марсианской цивилизации. Совершая полеты на вертолете, Арни иногда видел сверху фигурки детей: они углублялись в пустыню и копались в песке, будто стремясь вскрыть поверхность Марса и уйти вглубь…

Арни открыл нижний ящик стола, достал маленький диктофон и нажал кнопку записи.

– Энн, нам надо встретиться и поговорить, – начал он. – В комитете слишком много женщин, и он неправильно действует. Например, в последнем приложении к «Таймс» меня встревожило…

Он умолк, так как лента в диктофоне со скрипом остановилась. Арни поковырялся в нем – пленка медленно двинулась и снова замерла.

«Я-то считал, что все отрегулировано, – раздраженно подумал Арни. – Неужели эти бездельники ничего не могут наладить? Неужели придется идти на черный рынок и покупать там новый за бешеные деньги?» Он даже вздрогнул от этой мысли.

Не слишком симпатичная секретарша, тихо сидевшая напротив в ожидании поручений, тут же откликнулась и достала карандаш и записную книжку.

– Обычно мне понятно, – принялся диктовать Арни, – как сложно содержать оборудование в рабочем состоянии при почти полном отсутствии запасных частей, учитывая местные климатические условия. И тем не менее я устал от постоянных просьб присылать компетентных мастеров для ремонта жизненно необходимых приборов, таких как, например, мой диктофон. Мне нужно, чтобы он работал, – вот и все. Так что если вы, ребята, не можете обеспечить его работу, я разгоню вас и лишу привилегий заниматься ремонтными работами в нашем поселении и в дальнейшем буду обращаться к сторонним компаниям. – Он кивнул, и девушка перестала писать.

– Отнести диктофон в мастерскую, мистер Котт?

– Нет, – прорычал Арни. – Занимайтесь своим делом.

Как только она вышла, он снова взял «Таймс» и принялся читать. Дома, на Земле, приобрести диктофон ничего не стоило; к тому же дома можно было… черт! Нет, вы только посмотрите, что они рекламируют: от старых римских монет до шуб, походного оборудования, бриллиантов, космических кораблей и яда против сорняков. Господи Иисусе!

Впрочем, сейчас ему требовалось срочно связаться со своей бывшей женой. «Может, просто заскочить к ней? – подумал Арни. – Неплохой повод, чтобы выбраться из офиса».

Взяв телефонную трубку, он распорядился, чтобы на крыше приготовили вертолет, затем покончил с остатками завтрака, торопливо вытер рот и направился к лифту.

– Привет, Арни, – поздоровался с ним симпатичный молодой пилот, выглянув из кабины.

– Привет, сынок, – откликнулся Арни.

Пилот помог ему забраться в специальное кожаное кресло, которое было выполнено по заказу Арни в местной мастерской, занимавшейся обивкой и драпировкой. Пилот занял место впереди, а Арни удобно откинулся на спинку и, положив ногу на ногу, распорядился:

– Поднимайся, а в воздухе я тебе скажу куда. И не волнуйся, я никуда не тороплюсь. Похоже, сегодня славный денек.

– Действительно хороший день, – откликнулся пилот, и лопасти вертолета начали вращаться. – Если не считать той дымки над грядой Франклина Рузвельта.

Не успели они взлететь, как в кабине включился радиопередатчик:

– Срочное сообщение. В открытой пустыне небольшая группа бликменов, умирающих от голода и жажды. Местонахождение по гирокомпасу – 4.65003. Всем воздухоплавательным приспособлениям к северу от Льюистауна немедленно направиться по указанным координатам и оказать помощь. Закон Объединенных Наций требует, чтобы откликнулись все коммерческие и частные корабли.

Сообщение было повторено еще раз холодным голосом диктора, говорившего с искусственного спутника Объединенных Наций где-то у них над головой.

Арни, чувствуя, что пилот меняет направление полета, заметил:

– Лети дальше, мальчик.

– Я вынужден им подчиниться, сэр, – возразил пилот. – Таков закон.

«О господи!» – с отвращением подумал Арни и отметил про себя, что парня надо уволить или по крайней мере отстранить от полетов, когда они вернутся.

Они летели над пустыней на приличной скорости, быстро приближаясь к месту, указанному в сообщении. «Черномазые бликмены, – думал про себя Арни. – И мы должны все бросать, чтобы вызволить этих несчастных идиотов, – не могут перейти свою собственную пустыню. А что они тут пять тысяч лет делали без нас?»

Джек Болен уже садился на ферму Мак-Олифа, когда до него донеслось срочное сообщение со спутника Объединенных Наций. Болен неоднократно слышал такие сообщения, и каждый раз они заставляли его вздрагивать.

«…группа бликменов в открытой пустыне… – бесстрастно сообщил передатчик, – погибают от голода и жажды. Всем летательным аппаратам к северу от Льюистауна…»

«Понял», – проговорил Джек Болен про себя, потом взял микрофон:

– Вертолет компании И поблизости с точкой 4.65003. Буду на месте через две-три минуты.

Он развернул вертолет к югу, прочь от фермы Мак-Олифа, ощутив несказанную радость при мысли о ярости Мак-Олифа, видящего, как он удаляется, и, вероятно, догадывающегося о причине. Меньше всего на свете бликмены были нужны крупным фермерам: обнищавшие кочевники, они то и дело являлись за пищей, водой, медицинской помощью, а то и просто по старинке просили милостыню. Казалось, ничто так не бесило преуспевающих фермеров, как то, что их использовали существа, землю которых они захватили.

Теперь откликнулся еще один вертолет.

– Мои координаты по гирокомпасу 4.78995,– говорил пилот. – Я на окраине Льюистауна. Скоро буду на месте. Имею на борту пищу и пятьдесят галлонов воды. – Сообщив принадлежность своего вертолета, он отключился.

Молочная ферма удалялась, а Джек Болен пристально всматривался в пустынную поверхность, пытаясь разглядеть группу бликменов. Вот они, точно. Пятеро, в тени небольшой каменистой горки. Не шевелятся. Может, уже умерли? Обнаруживший их спутник Объединенных Наций ничем бликменам помочь не мог. «А мы, которые можем им помочь, – какое нам дело?» – подумал Джек. Так или иначе, бликмены вымирали, а оставшиеся впадали все в большее отчаяние. Объединенные Нации защищали их. «Хоть какая-то защита», – подумал Джек.

Но что можно сделать с вымирающим народом? Эпоха коренного населения Марса закончилась задолго до того, как в 60-х годах в их небе появился первый советский корабль с телекамерами. Никто не пытался аборигенов уничтожить – в этом просто не было необходимости. И все же вначале они вызывали огромное любопытство. Открытие этого народа оправдывало миллиарды долларов, затраченных на посещение Марса. Настоящая внеземная цивилизация!..

Джек приземлился на ровный песок рядом с бликменами, выключил винт, открыл дверь и вышел.

Жаркое утреннее солнце тут же обрушилось на него, пока он шел к неподвижным бликменам. Они были живы: глаза у них были открыты и смотрели на него.

– Да хлынут дожди от меня на ваши бесценные особы, – произнес он классическое приветствие бликменов на их родном диалекте.

Подойдя ближе, Джек увидел, что группа состоит из двух морщинистых стариков, молодых мужчины и женщины, вероятно мужа и жены, и их ребенка. Очевидно, семья, пустившаяся пешком через пустыню в поисках воды и пищи; может, оазис, где они обитали, высох. Такие вынужденные переходы были типичны для бедственного состояния бликменов. Они лежали, не в силах двинуться дальше, иссохшие до такой степени, что напоминали груду овощной ботвы. В ближайшем будущем они, без сомнения, погибли бы, если бы их не заметил спутник Объединенных Наций.

Молодой бликмен медленно поднялся, преклонил колена и произнес слабым дрожащим голосом:

– Дожди, пролившиеся от твоего благословенного присутствия, мистер, придают нам силу и возвращают к жизни.

Джек Болен бросил свой термос молодому бликмену, тут же опустившемуся на колени. Тот отвинтил крышку и передал его неподвижно лежащим старикам. Старуха схватила термос и принялась пить.

Перемены в ней наступили мгновенно. Она на глазах возвращалась к жизни, с лица сходил грязно-серый оттенок смерти.

– Можно нам наполнить скорлупу? – спросил Джека молодой бликмен. На песке лежало несколько яиц пака – бледных пустых скорлупок. В этих сосудах бликмены переносили воду: уровень их технического развития был настолько низок, что у них не имелось даже глиняной посуды. «И тем не менее, – подумал Джек, – их предки создали великую систему каналов».

– Конечно. Сейчас прилетит еще один вертолет с водой. – Он вернулся к вертолету, взял свой ленч и передал его бликмену. – Еда, – объяснил он. Как будто они не знали. Старики уже вскочили на ноги и протягивали к нему руки.

За спиной Джека нарастал рев второго вертолета. Большая двухместная машина наконец опустилась, и вращение лопастей замедлилось.

– Я вам нужен? – крикнул пилот. – Если нет, полечу дальше.

– У меня не хватает для них воды, – ответил Джек.

– Ладно. – Пилот выключил пропеллер. Соскочив вниз, он вытащил большую пятигалловую канистру. – Пусть берут.

Вместе с пилотом Джек наблюдал, как бликмены наполняют свои скорлупы водой. Имущество их было скудным: колчан с отравленными стрелами, по звериной шкуре на каждого да ступки у женщин – единственная их ценность; женщина без ступки даже не считалась за женщину, в ступках бликмены готовили мясо и растирали зерна – все, что им удавалось добыть. Еще у них было несколько сигарет.

– Моему пассажиру не очень-то по душе такие распоряжения Объединенных Наций, – прошептал молодой пилот Джеку на ухо. – Он просто не понимает, что у них там наверху спутник, который регистрирует всех уклоняющихся от выполнения приказа. И штраф за это придется платить немалый.

Джек обернулся и посмотрел на вертолет. Внутри с самодовольным видом сидел плотный лысый мужчина. На хорошо упитанном лице было написано раздражение, и он не обращал никакого внимания на пятерых бликменов.

– Надо ладить с законом, – оправдывающимся тоном продолжил пилот. – Штраф-то наложат на меня!

Джек подошел к вертолету и обратился к лысому пассажиру:

– Вы разве не чувствуете удовлетворения, что спасли жизни пятерым людям?

– Вы хотели сказать – пятерым черномазым. – Лысый взглянул на него сверху вниз. – Я не называю это спасением людей. А вы?

– А я называю, – ответил Джек. – И буду называть впредь.

– Ну давай-давай. – Побагровев, лысый бросил взгляд на вертолет Джека и прочел название фирмы, которую тот представлял. – Посмотрим, к чему это тебя приведет.

– Человек, с которым вы разговариваете, – Арни, Арни Котт, – поспешно подойдя к Джеку, зашептал пилот. – Можем лететь дальше, Арни! – крикнул он.

Пилот исчез в кабине, и лопасти винта пришли в движение.

Вертолет поднялся в воздух, оставив Джека наедине с блик-менами. Они уже напились и теперь приступили к ленчу, который отдал им Джек. Пустая канистра валялась в стороне. Яичная скорлупа пака была наполнена доверху. Бликмены даже не взглянули на поднимавшийся вертолет. Впрочем, на Джека они тоже не обращали внимания, что-то бормоча между собой на своем диалекте.

– Куда вы направляетесь? – спросил Джек.

Молодой бликмен назвал оазис, находившийся далеко к югу.

– И вы надеетесь дойти до него? – поинтересовался Джек, указывая на стариков. – Они дойдут?

– Да, мистер, – ответил молодой бликмен. – Теперь, когда мы получили пищу и воду от вас и другого мистера, мы дойдем.

«Неужели им действительно это под силу? – подумал Джек. – Впрочем, они все равно не признаются, даже если сами понимают, что это невозможно. Расовая гордость».

– Мистер, – продолжил молодой бликмен, – мы хотим сделать вам подарок за то, что вы остановились. – И протянул что-то Джеку.

Пожитки их выглядели настолько бедными, что Джек был уверен – им нечего ему дать. Однако он протянул руку, и молодой бликмен вложил в нее маленький холодный предмет, что-то сморщенное и сухое, напоминавшее древесный корень.

– Это – водяная ведьма, – заметил бликмен. – Она принесет вам воду, источник жизни, мистер, в любое время, когда понадобится.

– А вам она помогла? – спросил Джек.

– Помогла, мистер, – хитро улыбнулся бликмен. – Она привела вас.

– А что же вы будете делать без нее? – поинтересовался Джек.

– У нас еще есть. Мы сами делаем водяных ведьм, мистер. – Бликмен кивнул на пожилую пару. – Они – не простые люди.

Рассмотрев водяную ведьму повнимательнее, Джек обнаружил у нее лицо и что-то отдаленно напоминающее конечности. Это была мумия какого-то живого существа: он разглядел скрюченные ножки, уши и… вздрогнул. Выражение лица чем-то напоминало человека, на нем застыла маска страдания, словно смерть застала существо, когда оно взывало о помощи.

– А как она действует? – спросил Джек.

– Раньше, когда человеку нужна была вода, он просто мочился на нее, и она оживала. Но теперь мы так не делаем; вы, мистеры, научили нас, что мочиться нехорошо. Так что теперь мы плюем на нее, и она откликается – открывает глаза, оглядывается, а потом открывает рот и призывает воду. Как призвала вас, мистер, и другого мистера, который сидел там и не вышел, большого мистера без волос на голове.

– Этот мистер – очень важный мистер, – заметил Джек. – Он глава поселения Союза водопроводчиков, ему принадлежит весь Льюистаун.

– Может быть, – откликнулся молодой бликмен. – Тогда мы не станем останавливаться в Льюистауне, потому что поняли: мы не понравились безволосому мистеру. Мы не дали ему водяную ведьму в благодарность за его воду, на самом деле он не хотел нам помочь: сердце его было не с ним, и руки его действовали не по доброй воле.

Джек попрощался с бликменами и вернулся в вертолет. Через мгновение он уже поднимался, а бликмены неторопливо махали ему снизу.

«Отдам водяную ведьму Дэвиду, – решил Джек. – Когда вернусь домой в конце недели. Пусть писает на нее или плюет, пусть делает с ней все, что угодно».

Глава 3

Норберт Стайнер считал себя достаточно независимым человеком, так как был сам себе начальником. В небольшом металлическом ангаре на окраинах Банчвуд-парка он производил диетическое питание, полностью изготовленное из земных растений и минералов без консервантов, химических препаратов и неорганических добавок. Фирма в Банчвуд-парке упаковывала продукцию в специальные ящики, коробки, бутылки и свертки, после чего Стайнер развозил их по Марсу, доставляя непосредственно покупателям.

Получаемая им прибыль была абсолютно честной, так как конкурентов у него не имелось: на Марсе он один занимался производством диетического питания.

Но, кроме этого, он занимался и побочным бизнесом, импортируя с Земли различные деликатесы для гурманов: трюфели, гусиный паштет, икру, суп из кенгуриных хвостов, датский голубой сыр, копченых кальмаров, перепелиные яйца, ром-бабы. Доставка всего этого на Марс была запрещена – Объединенные Нации добивались, чтобы колонии перешли на самообеспечение. Эксперты Объединенных Наций утверждали, что транспортировка пищи в космическом пространстве небезопасна из-за вредного проникающего облучения. Но Стайнер знал, что истинная причина запрета связана с опасениями за судьбу колоний в случае военного конфликта на Земле. Поставки продовольствия прекратятся, и, если колонии не смогут самостоятельно обеспечить себя, они просто погибнут от голода.

Восхищаясь их аргументацией, Стайнер совершенно не собирался прекращать свою деятельность. Несколько тайком вывезенных банок французских трюфелей не помешают фермерам производить молоко, разводить свиней, бычков и овец и бороться за то, чтобы их угодья приносили хоть какой-нибудь доход. Если в поселениях время от времени будут появляться стеклянные баночки икры по двадцать долларов за штуку, яблони, груши и абрикосовые деревья не прекратят выращивать, и это не повлияет на уход за ними и своевременную поливку.

Сейчас Стайнер находился на своем складе неподалеку от крохотной посадочной площадки в горах Франклина Рузвельта: он сам ее построил – при помощи бликменов. Стайнер инспектировал партию халвы, прибывшую накануне вечером на автоматическом корабле. Халва прекрасно расходилась, особенно в Новом Израиле, и сейчас, проверяя целость товара, Стайнер прикинул, что сможет запросить за каждую порцию не менее пяти долларов.

Арни Котт в Льюистауне покупал любые сладости, которые только мог предложить Стайнер, плюс сыры, всяческую консервированную рыбу, не говоря уже о канадском беконе и датской ветчине. Арни Котт вообще был его лучшим покупателем.

На незаконной посадочной площадке, где стоял прибывший накануне корабль, хлопотал техник Стайнера – сам Стайнер ничего не умел делать руками, – готовя его к обратному полету в Манилу. Небольшой – всего двадцать футов в высоту – корабль был сделан в Швейцарии и обладал достаточной надежностью.

В красноватом свете марсианского солнца вершины окружающих гор отбрасывали длинные тени, и Стайнер включил керосиновый обогреватель, чтобы согреть склад. Техник, заметив, что Стайнер выглядывает в окно, кивнул ему, давая знать, что ракету можно загружать. Стайнер временно оторвался от банок с халвой, взял ручки тележки и принялся проталкивать ее сквозь дверь наружу.

– Боюсь, потянет больше чем на сотню фунтов, – критически заметил техник при виде груженной коробками тележки.

– Нет, они очень легкие, – откликнулся Стайнер. В них была упакована высушенная трава, которая после обработки на Филиппинах очень напоминала гашиш. Ее смешивали с обычным вирджинским табаком и продавали в Соединенных Штатах за баснословные деньги.

Сам Стайнер никогда не пробовал этой смеси – для него физическое и нравственное здоровье были одним целым, он верил в диетическое питание, никогда не пил и не курил.

Ракету загрузили и запечатали, после чего Отто включил часовой механизм автопилота. Через несколько дней Хосе Пескуито разгрузит корабль в Маниле и, ознакомившись со вложенным заказом, начнет собирать товары для обратного путешествия.

– Возьмешь меня с собой обратно? – спросил Отто.

– Сначала я лечу в Новый Израиль, – ответил Стайнер.

– Годится. У меня куча времени.

Некогда Отто Цитте имел свое дело на черном рынке: он занимался исключительно электронным оборудованием, хрупкими миниатюрными деталями, которые контрабандой перевозили с Земли. А еще раньше пытался импортировать такие дефицитные на черном рынке товары, как пишущие машинки, камеры, магнитофоны, меха и виски, но был изгнан конкурентами. Торговлю этими необходимыми предметами и оптовую продажу их в колонии захватили крупные профессиональные воротилы черного рынка, которые обладали не только огромными капиталами, но и собственной системой транспортировки. Да и все равно душа Отто не лежала к этому делу. Он хотел заниматься ремонтом, для этого и приехал на Марс, не зная еще, что все ремонтное дело монополизировано двумя-тремя фирмами, такими как компания И, на которую работал сосед Стайнера Джек Болен. Отто прошел профессиональное тестирование, но результаты его оказались недостаточно высокими. Поэтому по прошествии года он начал работать на Стайнера, заодно занимаясь своими операциями по импорту. Положение достаточно унизительное, но все же оно освобождало от необходимости заниматься физическим трудом в рабочих бригадах колонии, под палящим солнцем возделывавших пустыню.

– Лично я не переношу этих израильтян, хотя и приходится все время иметь с ними дело – заметил Стайнер по дороге к складу. – Вся их жизнь в этих бараках какая-то неестественная, и все время они сажают сады, апельсины, лимоны. У них перед нами огромные преимущества: они и на Земле жили почти так же, как мы здесь, – та же пустыня и никаких источников энергии.

– Верно, – откликнулся Отто. – Но чего у них не отнимешь, так это умения работать. Они не лентяи.

– И еще они – лицемеры по части еды. Обрати внимание, сколько банок свинины они у меня покупают! Никто из них не соблюдает своих законов!

– Если тебе не нравится, что они покупают у тебя копченых кальмаров, не продавай, – заметил Отто.

– Это их должно волновать, а не меня, – отрезал Стайнер.

Он ехал в Новый Израиль по другой причине, о которой Отто даже не догадывался. У Стайнера там жил сын – в особом лагере для тех, кто назывался «аномальными детьми». Этот термин относился к любому ребенку, который физически или психологически настолько отклонялся от нормы, что не мог получать образование в Общественной Школе. Сын Стайнера страдал аутизмом, и уже три года с ним в лагере работал воспитатель, пытаясь привить мальчику навыки общечеловеческой культуры. Рождение аутичного ребенка было особым позором, так как психологи считали, что это состояние вызывалось генетическим дефектом родителей и чаще всего связано с их шизоидным темпераментом. Манфред Стайнер за десять лет своей жизни ни разу не произнес ни слова. Он бегал на цыпочках, избегая людей, словно те были опасными острыми предметами. С физической точки зрения он являлся абсолютно здоровым крупным светловолосым ребенком, и первый год после рождения Стайнеры не могли на него нарадоваться. Однако сейчас даже воспитательница в Бен-Гурионе мало что обещала, а уж тамошние воспитатели всегда были оптимистами – это входит в их профессию.

– Возможно, мне придется провести в Новом Израиле целый день, – заметил Стайнер, загружая в вертолет банки с халвой. – Надо объехать все их чертовы кибуцы, на это уйдет не один час.

– Почему ты не хочешь взять меня с собой? – вспылил Отто.

Стайнер опустил голову и зашаркал ногой.

– Ты не понял, – с виноватым видом откликнулся он. – Я бы очень хотел, чтобы ты составил мне компанию, но… – На мгновение он даже подумал, не сказать ли Отто правду. – Я подброшу тебя к автобусному кольцу и высажу тебя там, ладно? – На него навалилась усталость.

Когда он приедет в Бен-Гурион, Манфред будет все в том же состоянии, будет бродить в одиночестве, избегая взглядов, больше похожий на настороженного, подозрительного звереныша, чем на ребенка… Какой смысл в этом визите? И все же он поедет.

Про себя Стайнер во всем винил жену: когда Манфред был совсем маленьким, она почти не разговаривала с ним и не проявляла к нему никаких чувств. По профессии она была химиком, обладала высокоразвитым интеллектом и деловыми способностями, совершенно бесполезными для материнства. Она кормила и купала ребенка с таким видом, словно малыш был лабораторным животным, какой-нибудь белой крысой. Она содержала его в чистоте и заботилась о его питании, но никогда не пела ему, не смеялась вместе с ним, никогда не обращалась к нему на простом человеческом языке. Ничего удивительного, что он стал аутичным. Стайнер мрачнел, размышляя об этом. Вот расплата за женитьбу на женщине с магистерской степенью. Ему вспоминался мальчик Боленов, живших по соседству, как он кричит и играет; стоит лишь взглянуть на Сильвию Болен – она-то прирожденная мать, энергичная, симпатичная женщина и главное – живая. Конечно, она властна и эгоистична… у нее хорошо развито чувство собственности. И все же он восхищался ею. Она не была сентиментальной, в ней чувствовалась сила. Например, случай с протечкой в баке, из-за которой они потеряли двухнедельный запас воды! Вспоминая об этом, Стайнер уныло улыбнулся. Сильвия Болен не поверила им даже на мгновение.

– Ладно, высади меня на автобусной остановке, – прервал его размышления Отто.

– Хорошо, – с облегчением ответил Стайнер. – И тебе не придется терпеть всех этих израильтян.

– Я ничего против них не имею, – взглянул на него Отто, – я тебе уже говорил, Норберт.

Они залезли в вертолет, Стайнер сел за пульт управления и завел мотор. Он не стал отвечать Отто.

Посадив вертолет к северу от Нового Израиля, Стайнер вдруг испытал резкий стыд за то, что плохо отзывался об израильтянах. Весь его пафос был рассчитан лишь на то, чтобы отговорить Отто ехать с ним, и тем не менее в этом было что-то дурное – это противоречило его искренним чувствам. «А все из-за того, что мне стыдно – понял он. – Стыдно за своего дефективного сына в Бен-Гурионе… Какое сильное чувство, этот стыд, он может заставить человека признаться в чем угодно».

Если бы не израильтяне, кто бы заботился о его сыне? На Марсе это было единственное учреждение для аномальных детей в отличие от Земли, где количество их исчислялось десятками, да мало ли что еще было на Земле. И стоило пребывание Манфреда в лагере так дешево, что плата эта была чистой формальностью.

Пока Стайнер припарковывал вертолет и выходил из него, он ощущал, как стыд растет в нем, так что он уже начал опасаться, сможет ли вообще заговорить с израильтянином. Ему казалось, они прочтут его мысли и, не дай бог, услышат недавно сказанные им слова.

Однако израильский обслуживающий персонал летного поля любезно поздоровался со Стайнером, и его чувство вины начало затихать; похоже, они ничего не поняли. Взяв свои тяжелые чемоданы, он потащил их через поле к посадочной площадке, где стоял гусеничный автобус, доставлявший пассажиров в центральный деловой район.

Стайнер уже залез в автобус и начал устраиваться поудобнее, как вспомнил, что не купил сыну никакого подарка. Мисс Милх, воспитательница, просила его всегда привозить с собой подарок, что-нибудь, что могло долго храниться и напоминать Манфреду об отце. «Надо купить игрушку или игру», – решил Стайнер. И тут вспомнил, что одна из родительниц, посещавшая своего ребенка в Бен-Гурионе, – хозяйка подарочного магазина в Новом Израиле, миссис Эстергази. Можно зайти к ней. Миссис Эстергази видела Манфреда и вообще разбиралась в аномальных детях. Она сообразит, что выбрать, и не будет задавать бестактных вопросов типа «сколько лет вашему мальчику?».

Он вышел из автобуса на ближайшей к магазину остановке и зашагал по тротуару, наслаждаясь видом маленьких ухоженных магазинчиков и офисов. Во многих отношениях Новый Израиль напоминал ему Дом, он гораздо больше походил на настоящий город, нежели Банчвуд-парк или Льюистаун. Вокруг спешили прохожие, и Стайнеру нравилась деловая атмосфера Нового Израиля.

На нужном ему магазине висела современная вывеска, и, если не считать марсианских растений на подоконнике, его вполне можно было принять за лавочку на окраинах Берлина.

Когда он вошел, миссис Эстергази, стоявшая за прилавком, расплылась в улыбке, словно узнав посетителя. Симпатичная респектабельная дама сорока с небольшим лет, с темными волосами, неизменно безупречно одетая, интеллигентная и свежо выглядевшая. Всем было известно, что миссис Эстергази принимает активное участие в политических и общественных делах; она издавала бюллетень и то и дело вступала в какие-нибудь комитеты.

То, что у нее ребенок в Бен-Гурионе, было тайной. Ребенку исполнилось всего три года, и его неизлечимые физические недостатки были вызваны гамма-облучением, которому он подвергся еще в период внутриутробного развития. Однажды Стайнеру довелось его увидеть; в Бен-Гурионе ему довелось увидеть вообще немало страшных патологий. При первой встрече ребенок Эстергази поразил Стайнера – маленький, сморщенный, с огромными, как у лемура, глазами. Между пальцами располагались перепонки, словно он был создан для жизни в подводном мире. И еще Стайнер не мог отделаться от ощущения, что у малыша на редкость обострены все чувства – он рассматривал незнакомца так пристально, словно мог докопаться до самых глубин его сознания, неведомых даже самому Стайнеру… А выведав все тайны, дитя успокоилось и стало воспринимать Стайнера уже на основе почерпнутых сведений.

Ребенок, как заключил Стайнер, был марсианином, то есть был рожден на Марсе миссис Эстергази от мужчины, который не являлся ее мужем, так как она давно уже была разведена. Об этом он узнал от нее самой – она рассказывала спокойно, без всяких сожалений. С мужем ей пришлось расстаться несколько лет назад. Так что ребенок в Бен-Гурионе был рожден не в законном браке, но миссис Эстергази, как и большинство современных женщин, не считала это позором. И Стайнер разделял ее мнение.

– Какой у вас прекрасный магазинчик, миссис Эстергази, – заметил он, опуская тяжелые чемоданы.

– Спасибо. – Она вышла из-за прилавка и направилась к нему. – Чем могу быть полезна, мистер Стайнер? Хотите продать мне йогурт или пшеничные колосья молочной спелости? – Ее темные глаза блеснули.

– Мне нужен подарок Манфреду, – ответил Стайнер.

Лицо ее тут же смягчилось, и на нем появилось сочувственное выражение.

– Понимаю. Так-так-так… – Она направилась к одной из полок. – Я недавно заезжала в Бен-Гурион, видела вашего сына.

Он не проявляет никакого интереса к музыке? Часто аутичным детям нравится музыка.

– Он любит рисовать. Он все время рисует.

Она взяла в руки маленький деревянный инструмент, похожий на флейту.

– Это сделано здесь, и, кстати, очень хорошо сделано.

– Да. Я возьму.

– Мисс Милх использует музыку как один из методов установления контакта с аутичными детьми. – Миссис Эстергази повернулась, чтобы упаковать флейту. – Особенно танцы. – Что-то ее тревожило, и наконец она решилась: – Мистер Стайнер, вы знаете, что я постоянно в курсе политических событий Дома И я… ходит слух, что Объединенные Нации собираются… – Она побледнела и понизила голос. – Мне очень не хочется огорчать вас, мистер Стайнер, но если это правда, а похоже, тут есть доля истины…

– Говорите. – Но он уже пожалел, что зашел. Да, он знал, что миссис Эстергази имела отношение ко всем важным событиям, и уже этого было достаточно, чтобы почувствовать неловкость.

– В Объединенных Нациях сейчас обсуждаются меры по отношению к аномальным детям, – закончила миссис Эстергази дрожащим голосом. – Они планируют закрыть Бен-Гурион.

На мгновение он онемел.

– Зачем?..

– Они боятся… ну, не хотят, чтобы на колониальных планетах появлялось то, что они называют «дефективной расой». Они намерены сохранить расу чистой. Понимаете? Я понимаю, и все же… не могу с этим согласиться. Возможно, потому, что там находится мой собственный ребенок. Нет, я не могу с этим согласиться. Дома аномальные дети их не волнуют, потому что они не возлагают на них таких надежд, как на нас. Вы же понимаете смысл их псевдозаботы о нас… Вспомните, что вы ощущали перед тем, как эмигрировать сюда со своей семьей? Там, на Земле, существование аномальных детей на Марсе воспринимается как один из признаков того, что одна из сложнейших земных проблем перенесена в будущее, потому что мы для них являемся воплощением будущего и…

– Вы уверены относительно этого законопроекта? – перебил ее Стайнер.

– Да. – Она смотрела на него спокойно, подняв голову. – Если они закроют Бен-Гурион, это будет ужасно, тогда… – Она не договорила, но он прочел в ее взгляде то, что невозможно было выразить словами. Аномальные дети, его сын и ее ребенок будут убиты каким-нибудь научным безболезненным способом. Разве не это она хотела сказать?

– Продолжайте.

– Дети будут усыплены.

– То есть убиты, – чувствуя нарастающее негодование, уточнил Стайнер.

– Боже, как вы можете так говорить, словно вам это безразлично? – в ужасе уставилась на него миссис Эстергази.

– Господи, если в этом есть хоть доля правды… – начал он с горечью. Впрочем, на самом деле он не верил ей. Может, потому, что не хотел верить? Потому что это было слишком ужасно? Нет, потому что он не доверял ее подозрениям, ее чувству реальности. До нее просто дошли истерически искаженные слухи. Возможно, и существовал какой-нибудь законопроект, косвенно имеющий отношение к Бен-Гуриону и содержащимся там детям. Они – и аномальные дети, и их родители – всегда находились под определенной угрозой. В частности, предписывалась обязательная стерилизация и родителей, и их потомства в тех случаях, когда доказано существенное нарушение функции половых органов, особенно в результате превышающего норму гамма-облучения.

– Кто авторы этого проекта в Объединенных Нациях? – спросил Стайнер.

– Считается, что проект принадлежит перу шести членов комитета здравоохранения и соцобеспечения Метрополии. Вот их имена. – Она принялась писать. – Мы бы хотели, чтобы вы написали этим людям и попросили бы кого-нибудь из своих знакомых…

Стайнер едва слушал ее. Заплатив за флейту, он поблагодарил, взял сложенный листок бумаги и вышел из магазина.

Черт побери, и зачем он только зашел сюда! Неужели ей доставляет удовольствие рассказывать эти сказки? Неужели вокруг не хватает неприятностей, чтобы еще усугублять их бабьими россказнями! Да как она при этом еще может заниматься общественными делами?

И в то же время что-то еле слышно подсказывало ему: «Она может оказаться права. Такую возможность исключать нельзя». В смятении и страхе, вцепившись в ручки тяжелых чемоданов. Стайнер спешил к Бен-Гуриону и своему сыну, почти не обращая внимания на новые магазинчики.

Войдя в огромный солярий со стеклянным куполом, он сразу увидел молодую светловолосую мисс Милх в рабочем комбинезоне и сандалиях, заляпанных глиной и краской. Брови у нее были беспокойно нахмурены. Тряхнув головой и откинув с лица волосы, она подошла к Стайнеру.

– Привет, мистер Стайнер. Ну и денек у нас сегодня! Двое новеньких, и один из них – сущее наказание.

– Мисс Милх, – начал Стайнер, – я только что разговаривал с миссис Эстергази у нее в магазине…

– Она рассказала вам о предполагающемся законопроекте? – У мисс Милх был усталый вид. – Да, он существует. Энн получает с Земли самые подробные сведения, хотя, как ей это удается, я не знаю. Постарайтесь не проявлять при Манфреде своего волнения, если, конечно, возможно, он и так не в себе из-за этих новичков.

Она направилась из солярия по коридору к игровой комнате, где обычно проводил время его сын, но Стайнер, догнав, остановил ее.

– Что мы можем сделать относительно законопроекта? – Он поставил чемоданы на пол, и в руках у него остался лишь бумажный пакет, в который миссис Эстергази положила флейту.

– Не думаю, чтобы от нас что-нибудь зависело, – откликнулась мисс Милх. Не спеша она подошла к двери и открыла ее. Шум детских голосов оглушил их. – Естественно, руководство Нового Израиля и самого Израиля на Земле вместе с правительствами еще нескольких стран яростно возражают. Но все держится в тайне, как и само содержание законопроекта, все делается исподтишка, чтобы не вызывать паники. Вопрос слишком щекотливый. И истинное общественное мнение по этому вопросу никому не известно. – Ее усталый срывающийся голос затих, словно больше она не могла говорить. Однако потом мисс Милх будто воспрянула. – Я думаю, самое худшее, что они могут сделать, если закроют Бен-Гурион, так это отправить аномальных детей на Землю; надеюсь, они не дойдут до того, чтобы уничтожать их. – Она ласково похлопала его по плечу.

– В лагеря на Землю, – поспешно повторил за ней Стайнер.

– Пошли, найдем Манфреда, хорошо? По-моему, он знает, что вы должны сегодня приехать: он стоял у окна, хотя, конечно, он часто это делает.

– А вдруг они правы? – к собственному удивлению, неожиданно вырвалось у Стайнера. – К чему нужны дети, не умеющие разговаривать и жить среди людей?

Мисс Милх ничего не сказала и лишь взглянула на него.

– Он никогда не сможет найти работу – продолжал Стайнер. – Будет вечной обузой для общества, точно так же как и сейчас. Разве это не правда?

– Аутичные дети до сих пор ставят нас в тупик – ответила мисс Милх – тем, что они из себя представляют, каким образом такими становятся и как вдруг неожиданно, без всяких видимых причин начинают ускоренно интеллектуально развиваться по прошествии многих лет безуспешных попыток добиться от них реакции.

– Боюсь, в здравом рассудке я бы не стал выступать против этого законопроекта, – возразил Стайнер. – После того как первое потрясение миновало. Это целесообразно. Я считаю это целесообразным. – Голос у него дрогнул.

– Ну что ж, хорошо, что вы не сказали это Энн Эстергази, потому что она не оставила бы вас в покое: она бы убеждала вас до тех пор, пока вы не согласились бы с ее точкой зрения. – Воспитательница открыла дверь, ведшую в большую игровую комнату. – Манфред там, в углу.

«Кто бы мог сказать, глядя на него…» – подумал Стайнер, увидев своего сына. Большая голова красивой формы, вьющиеся волосы, приятные черты лица… Мальчик сидел, согнувшись над каким-то предметом, который держал в руках. По-настоящему симпатичный парень с огромными глазами, в которых мелькала то насмешка, то возбужденное веселье. И какая потрясающая координация движений! Как он бегал на цыпочках, словно танцуя под звуки какой-то неслышимой музыки, звучащей у него внутри.

«По сравнению с ним мы неуклюжи, – думал Стайнер. – Тяжеловесны. Ползаем, как улитки, а он танцует и прыгает, словно неподвластен силе притяжения. Может, он состоит из каких-нибудь других, новых атомов?»

– Привет, Манфред, – обратился Стайнер к сыну.

Мальчик не поднял головы и не проявил к нему никакого интереса, продолжая заниматься со своим предметом.

«Я напишу авторам законопроекта, что у меня содержится ребенок в этом лагере, – подумал Стайнер. – И что я согласен с ними».

Эта мысль испугала его. Она означала убийство Манфреда.

«Эти известия спровоцировали вспышку моей ненависти к нему. Я понимаю, почему обсуждения ведут в тайне, – могу поручиться, такую ненависть испытывают многие. Неосознанно».

– Не будет тебе флейты, Манфред – проговорил Стайнер. – Почему я должен дарить ее тебе? Тебя хоть на йоту она интересует? Нисколько. – Мальчик не проявлял никаких признаков того, что слышит отца. – Ничто, – добавил Стайнер. – Пустота.

Сзади подошел высокий и стройный доктор Глоб в белом халате. Стайнер вздрогнул, внезапно ощутив его присутствие.

– Появилась новая теория аутизма, – проговорил доктор Глоб. – Из Швейцарии. Я хотел обсудить ее с вами, так как она дает нам возможность использовать новые подходы к вашему сыну.

– Сомневаюсь, – ответил Стайнер.

Глоб продолжал, будто не слыша:

– Она предполагает, что у аутичного индивида нарушено чувство времени и внешние события представляются ему в таком ускоренном темпе, что он не может поспеть за ними, то есть правильно воспринять. Точно так же, как если бы мы смотрели телевизионную программу, где предметы мелькают с такой скоростью, что практически становятся невидимыми, а осмысленная речь превращается в бормотание – понимаете? Полная мешанина. Так вот, новая теория предлагает поместить аутичного ребенка в закрытую комнату и прокручивать ему события на экране в замедленном темпе. И звук, и видеоряд должны быть замедлены до такой степени, что ни вы, ни я даже не сможем различить какого-то движения или вычленить человеческую речь.

– Потрясающе, – устало заметил Стайнер. – В психотерапии все время появляется что-нибудь новенькое, не правда ли?

– Да, – кивнул доктор Глоб. – Особенно из Швейцарии. Швейцарцы обладают удивительной способностью проникать в мировосприятие людей с больной психикой, замкнутых индивидуумов, отрезанных от обычных средств коммуникации, понимаете?

– Понимаю, – ответил Стайнер.

Не переставая кивать, Глоб двинулся дальше и снова остановился, на этот раз рядом с женщиной, которая рассматривала иллюстрированную книжку с маленькой девочкой.

«Последняя надежда перед потопом, – подумал Стайнер. – Интересно, доктор Глоб знает, что руководство Земли собирается закрыть Бен-Гурион? Или добрый доктор продолжает трудиться в идиотическом неведении… счастливый от своих планов».

Стайнер двинулся за Глобом и дождался, пока в его беседе с матерью девочки не наступила пауза:

– Доктор, я бы хотел продолжить обсуждение с вами этой новой теории.

– Да-да-да, – откликнулся Глоб, извинившись перед женщиной. Он отвел Стайнера в сторону, где они могли побеседовать с глазу на глаз. – Эта концепция движения времени способна открыть путь к душам, стоящим перед неразрешимой проблемой общения с миром, где все происходит с такой неимоверной скоростью, что…

– Предположим, ваша теория верна, – перебил его Стайнер. – Как вы сможете помочь такому индивиду? Вы что, намереваетесь всю жизнь продержать его в закрытой комнате, показывая замедленное кино? По-моему, доктор, вы все здесь играете в какие-то игры. Вы не отдаете себе отчета в реальности. Все вы такие благородные здесь, в Бен-Гурионе, без страха и упрека. Однако внешний мир не таков. Бен-Гурион – убежище великодушных идеалистов, но не надо обманывать себя. И не надо обманывать пациентов, простите за прямоту. Эта закрытая комната с замедленным кино – символ всего вашего мировоззрения.

Доктор Глоб слушал, кивая, и на лице его появлялось напряженное выражение.

– Нам обещали оборудование, – заметил он, когда Стайнер закончил. – Из «Вестингауза», с Земли. Контакт с окружающими в обществе достигается прежде всего за счет звука. В «Вестингаузе» разработали для нас звукозаписывающий аппарат, который воспринимает информацию, направленную к психонеустойчивому пациенту – например, к вашему Манфреду. Сообщение записывается на магнитную ленту, тут же воспроизводится в замедленном виде, потом самостирается, и записывается следующая информация. А в результате – непрерывный контакт с внешним миром в собственном временном ритме пациента. А потом мы надеемся получить и видеомагнитофон, который будет постоянно демонстрировать замедленную версию реальности, синхронизированную с аудиоинформацией. Да, нужно признать, не решена проблема осязания. Но я не могу согласиться с вами, что все это слишком идеалистично для претворения в жизнь. Вспомните широко распространенную химиотерапию, которая начала использоваться не так давно. Вам известно, что стимулянты ускоряют внутренний ход времени у больных, и те начинают активно воспринимать раздражители, поступающие из окружающей среды. А когда действие лекарства заканчивается и восстанавливается нарушенный обмен веществ, реактивность больных снижается. Так что на этом примере нам удалось многое узнать: мы выяснили, что в основе психозов лежат химические нарушения, а не нарушения психики. Шестьдесят лет ошибочных представлений были сметены одним экспериментом с амиталом натрия…

– Пустые мечты, – перебил его Стайнер. – Вам никогда не удастся установить контакт с моим сыном.

Он повернулся и зашагал прочь от доктора Глоба.

Выйдя из Бен-Гуриона, он сел на автобус и отправился в шикарный ресторан «Рыжая лиса», который всегда закупал у него большие партии товара. Закончив дела с владельцем, Стайнер остановился в баре выпить пива.

Вот такая идиотическая болтовня доктора Глоба и повинна в том, что они оказались на Марсе. На планете, где стакан пива стоит в два раза дороже, чем стакан виски, потому что в нем содержится больше воды.

Владелец «Рыжей лисы» – толстенький лысый очкарик – тоже устроился рядом со Стайнером:

– Что у тебя такой мрачный вид, Норб?

– Собираются закрыть Бен-Гурион, – ответил Стайнер.

– Ну и хорошо. Зачем нам эти ублюдки на Марсе – они служат плохой рекламой.

– В некотором отношении я согласен с тобой.

– Это как те дети, родившиеся в шестидесятые с тюленьими плавниками из-за того, что их родители пользовались немецким лекарством. Надо было всех их уничтожить. Когда вокруг масса здоровых нормальных детей, зачем тратить время на таких выродков? Если бы у тебя был ребенок с лишней парой рук или вообще без рук, ну ненормальный, неужели ты захотел бы, чтобы он жил с тобой?

– Нет, – откликнулся Стайнер. Он не стал говорить, что брат его жены на Земле был ластоногим: он родился без рук, но научился пользоваться превосходными протезами, сделанными для него канадской фирмой, которая специализировалась в этой области.

Он ничего не сказал толстому человечку, он пил пиво и смотрел на ряд бутылок перед собой. Ему не нравился этот человек, и он никогда не рассказывал ему о Манфреде. В нем глубоко укоренились предрассудки, и этим он не сильно отличался от других. Так что Стайнер не мог его в чем-либо обвинять, он просто ощутил усталость, и ему не хотелось продолжать обсуждение этой темы.

– Это было только начало, – продолжил владелец ресторана. – Я имею в виду младенцев шестидесятых. А теперь они, наверное, и в Бен-Гурионе – не знаю, я там никогда не был, и ноги моей там не будет.

– Ну как они могут быть в Бен-Гурионе? – возразил Стайнер. – Они не относятся к аномалиям; аномалия – это то, что существует в единственном числе.

– Да, я понимаю, – согласился его собеседник. – И все же, если бы их вовремя уничтожили, у нас не было бы таких мест, как Бен-Гурион. Потому что, на мой взгляд, между теми монстрами шестидесятых и всеми уродами, рожденными как бы от воздействия радиации, существует прямая связь, ведь все зависит от мутации генов, верно? Так что думаю, здесь нацисты были правы. Они еще в тридцатых поняли необходимость вырвать с корнем генетически низшие нации, они знали…

– У меня сын… – начал Стайнер и тут же оборвал себя. Он понял, что проболтался. Толстяк смотрел на него круглыми глазами. – У меня там сын, – наконец продолжил Стайнер, – и значит он для меня ничуть не меньше, чем твой для тебя. Я знаю, что со временем он снова вернется в общество.

– Позволь, я поставлю тебе выпивку, Норберт, – пробормотал толстяк, – чтобы загладить свои слова, то есть я хочу сказать, что очень виноват.

– Если закроют Бен-Гурион, это будет страшное несчастье для всех, у кого там дети. Я не перенесу.

– Понимаю тебя. Я понимаю, что ты чувствуешь.

– Если ты понимаешь, что я чувствую, значит, ты умнее меня, – заметил Стайнер, – потому что я ничего не могу понять. – Он поставил пустой стакан и слез с табуретки. – Я больше не хочу пить. Прости, мне пора. – И он поднял свои тяжелые чемоданы.

– Ты так давно бываешь здесь, и мы столько раз говорили об этом лагере, и все это время ты скрывал, что у тебя там сын… Ты был не прав. – Теперь толстяка охватило раздражение.

– Почему не прав?

– Черт, да если б я знал, я не стал бы говорить такого! Ты безответственный человек, Норберт, ты мог сказать мне, но умышленно промолчал. Мне это не нравится. – Лицо его покраснело от негодования.

Стайнер вышел из бара.

– Сегодня не мой день – проговорил он вслух. «Со всеми поругался, придется в следующий приезд просить прощения… если следующий приезд вообще будет. Да нет, конечно, я приеду сюда – от этого зависят мои дела. Да и в Бен-Гурион нужно зайти – другого выхода нет».

И вдруг его осенило: проще всего покончить с собой. Эта мысль всплыла в голове в совершенно законченном виде, словно всегда там была, всегда являлась составной его частью. И легко выполнимо – разбить вертолет. «Как я устал быть Норбертом Стайнером. Я не хочу быть Норбертом Стайнером, не хочу быть дельцом черного рынка и никем другим не хочу быть. Какой смысл продолжать жить? Я ничего не умею делать руками – ни починить, ни сделать ничего не могу, не умею думать, я – простой торговец. Я устал от насмешек жены из-за того, что не могу наладить наш водопровод, я устал от Отто, которого пришлось нанять потому, что я беспомощен даже в собственном бизнесе».

«Да и зачем ждать возвращения в вертолет?» – подумал он. Навстречу ехал огромный автобус с потускневшими от песка боками – он только что пересек пустыню и въезжал со своими пассажирами в Новый Израиль. Стайнер поставил чемоданы и бросился наперерез автобусу по проезжей части.

Автобус загудел, заскрежетали тормоза. Транспорт начал останавливаться, а Стайнер несся вперед, закрыв глаза и опустив голову. И лишь в последний момент, когда из-за оглушительного рева невыносимо заломило уши, он открыл глаза: перед ним мелькнул водитель автобуса, изумленно смотревший на него, затем рулевое колесо и номер на фуражке водителя. А потом…

В солярий Бен-Гуриона до мисс Милх донеслись звуки сирен, и она замерла, оборвав на середине танец Сахарной Головы из балета Чайковского «Щелкунчик», который играла детям на рояле.

– Пожар! – закричал один из мальчуганов, подбегая к окну. За ним бросились остальные.

– Нет, мисс Милх, это «скорая помощь», – заметил другой, стоя у окна.

Мисс Милх продолжила игру, и дети под звуки музыки вернулись на свои места.

Манфред стоял в стороне, не обращая внимания на музыку, опустив голову; выражение его лица было задумчивым. Когда вой сирен стал особенно громким, он на мгновение поднял голову. Мисс Милх, заметив это, замерла в изумлении и поспешно произнесла про себя молитву. Мальчик слышал! Она с вдохновением доиграла Чайковского несколько громче, чем обычно. Врачи правы – именно через звук возможен контакт с мальчиком.

Манфред медленно подошел к окну и выглянул наружу: он скользил взглядом по зданиям и улицам, лежащим внизу, пытаясь отыскать источник звука.

«Не так уж все безнадежно, – подумала мисс Милх. – Поскорей бы сообщить его отцу. Значит, мы никогда не должны терять надежду».

И она снова заиграла громко и радостно.

Глава 4

Когда полицейский вертолет опустился перед домом Стайнеров, Дэвид Болен строил дамбу из сырой земли на краю огорода под жарким марсианским солнцем. Мальчик сразу понял: что-то случилось.

Из вертолета вышел полицейский в синей форме и блестящей каске и направился по дорожке к дверям дома Стайнеров. Навстречу ему выбежали две маленькие дочки Стайнеров, и он поздоровался с ними, потом обратился к миссис Стайнер и исчез в доме, закрыв за собой дверь.

Дэвид вскочил на ноги, перепрыгнул канаву, миновал грядки, где миссис Стайнер безуспешно пыталась выращивать анютины глазки, и за углом дома неожиданно наткнулся на одну из дочек Стайнеров: абсолютно бледная, она стояла неподвижно, теребя стебелек травинки. Вид у нее был такой, словно ее вот-вот стошнит.

– Эй, что случилось? – спросил Дэвид. – Зачем к твоей маме приехал полицейский?

Девочка бросила на него испуганный взгляд и убежала.

«Похоже, я знаю, в чем дело, – подумал Дэвид. – Мистер Стайнер арестован за что-то противозаконное. – Он стал подпрыгивать от возбуждения. – Интересно, что он сделал». Потом повернулся, бросился обратно, еще раз перепрыгнул канаву и наконец распахнул дверь своего дома.

– Мам! – позвал он, перебегая из комнаты в комнату. – Эй, помнишь, вы с папой говорили, что мистер Стайнер нарушает закон, ну, в смысле своих дел? Так знаешь, что случилось?

Но матери нигде не было. «Наверно, ушла в гости», – подумал мальчик. Например, к миссис Хинесси, которая жила к северу по каналу. Его мать часто ходила в гости – пила кофе с соседками и обменивалась сплетнями. «На этот раз они пропускают действительно кое-что стоящее», – решил про себя Дэвид и, подбежав к окну, выглянул наружу, чтобы самому что-нибудь не пропустить.

Полицейский с миссис Стайнер уже вышли на улицу и медленно направлялись к вертолету. Миссис Стайнер прижимала к лицу большой носовой платок, а полицейский обнимал ее за плечи, словно был ее родственником или еще кем-нибудь из близких. В полном изумлении Дэвид смотрел, как они залезают в вертолет. Девочки Стайнеров со странным выражением на лицах стояли в стороне. Полицейский отошел от вертолета и обратился к ним, потом снова двинулся к вертолету и тут заметил Дэвида. Знаками он попросил Дэвида выйти на улицу. Мигая от яркого солнца, мальчик вышел из дома и несмело приблизился к полицейскому, который стоял в своем сверкающем шлеме, в нарукавной повязке и револьвером на боку.

– Как тебя зовут, сынок? – с акцентом спросил полицейский.

– Дэвид Болен. – Колени у Дэвида дрожали.

– Мама или папа дома, Дэвид?

– Нет, я один.

– Когда придут твои родители, попроси их присмотреть за девочками Стайнеров, пока не вернется миссис Стайнер. – Полицейский включил мотор, и лопасти винта начали вращаться. – Не забудешь, Дэвид? Ты все понял?

– Да, сэр, – откликнулся Дэвид, замечая, что повязка у полицейского синего цвета, – это означало, что он швед. Дэвид разбирался во всех опознавательных знаках, которые носили разные службы Объединенных Наций.

«Интересно, какую скорость может развить полицейский вертолет, – начал прикидывать он. – Похоже на специальную скоростную службу… хорошо бы полетать на таком». Дэвид больше не боялся полицейского и готов был поговорить с ним еще, но вертолет уже ото-

рвался от земли, и вихрь воздуха, поднявший песчаную пыль, заставил Дэвида отвернуться и закрыться рукой.

Четверо девочек стояли молча, сбившись в кучку. Старшая плакала – слезы беззвучно сбегали по ее щекам. Младшая, которой было всего три года, робко улыбалась Дэвиду.

– Хотите помочь мне строить дамбу? – окликнул их Дэвид. – Пошли! Полицейский сказал, что можно.

Подумав, младшая девочка тронулась за ним, ее примеру последовали остальные.

– А что сделал ваш папа? – спросил Дэвид старшую. Она была старше его, ей было уже двенадцать. – Полицейский сказал, что ты можешь не скрывать, – добавил он для убедительности.

Но девочка ответила ему лишь безразличным взглядом.

– Я никому не стану рассказывать. Честное слово.

Сильвия Болен услышала дневные новости по радио, загорая на увитом плющом патио Джун Хинесси, где они потягивали с ней холодный чай и сонно беседовали.

– Послушай, это не ваш сосед? – приподнявшись, поинтересовалась Джун.

– Тс-с-с, – оборвала ее Сильвия, прислушиваясь к диктору. Но, кроме краткой информации, ничего не последовало: Норберт Стайнер, торговец диетическим питанием, покончил жизнь самоубийством на улице Нового Израиля, бросившись под автобус. «Да, тот самый Стайнер, наш сосед», – поняла Сильвия.

– Как ужасно, – садясь и застегивая бретельки своего купальника в горошек, заметила Джун. – Я видела его всего пару раз, но…

– Отвратительный тип, – откликнулась Сильвия. – Ничего удивительного, что он сделал это. – И все же она чувствовала, как ее охватывает ужас. Невозможно поверить!.. – С четырьмя детьми – он оставил ее одну с четырьмя детьми. Разве это не ужасно? Что теперь с ними будет? Они же совершенно беспомощны.

– Я слышала, он вел дела на черном рынке, – заметила Джун. – Ты знала? Может, его вынудили.

– Пойду, пожалуй, домой, наверное, миссис Стайнер требуется помощь, – сказала Сильвия. – Может, надо присмотреть за детьми.

«Неужели в этом виновата я? – спрашивала она себя. – Неужели он сделал это из-за того, что я отказалась дать им сегодня утром воды? Очень может быть, ведь он еще не уехал на работу и был дома. Так что, возможно, виноваты мы, наше отношение к ним… разве кто-нибудь из нас относился к ним по-настоящему хорошо? Но они всегда так противно скулили, всегда просили помочь, попрошайничали, брали в долг… как можно было их уважать?»

Войдя в дом, Сильвия переоделась в спальне, натянув брюки и футболку. Джун Хинесси последовала за ней.

– Да, ты права, – согласилась Джун, – мы все должны им помочь. Интересно, останутся они здесь или вернутся на Землю. Я бы вернулась. Я и сейчас готова вернуться, здесь так скучно.

Взяв сумку и сигареты, Сильвия попрощалась с Джун и поспешила вдоль канала к своему дому.

Задыхаясь, она примчалась как раз в тот момент, когда на горизонте исчезал полицейский вертолет. «Это они поставили ее в известность». На заднем дворе Дэвид играл с четырьмя девочками.

– Они забрали миссис Стайнер с собой? – крикнула она ему.

Мальчик тут же вскочил на ноги и в возбуждении подбежал к ней.

– Мама, она улетела. А я приглядываю за девочками.

«Этого-то я и боялась», – подумала Сильвия.

Девочки медленно и вяло копались в мокрой жиже, никто из них не поднял глаз и не поздоровался с ней. Они казались пришибленными – несомненно, это было следствием шока, который вызвало известие о смерти их отца. Только младшая проявляла какую-то оживленность, но она, вероятно, и не могла понять, что произошло. «Смерть этого человека уже затронула окружающих, – подумала Сильвия, – и холодок ее распространяется. – Она почувствовала его и в собственном сердце. – А ведь мне он даже не нравился».

Вид четырех девочек поверг ее в дрожь. «Неужели я должна заниматься этими вялыми, толстыми, недоразвитыми детьми?.. Не хочу!» – сметая в сторону все доводы, рвался ответ. Ее охватила паника, так как было очевидно, что выбора нет; уже сейчас они играли на ее участке, в ее саду – они уже были у нее.

– Миссис Болен, можно мы возьмем еще немного воды для нашей дамбы? – с надеждой спросила младшая.

«Вода, все время вода, – подумала Сильвия. – Все время попрошайничают, словно иначе не могут». Она не ответила и вместо этого обратилась к сыну:

– Пойдем в дом, я хочу поговорить с тобой.

Они вместе вошли в дом.

– Дэвид, по радио сообщили, что их отец погиб. Именно поэтому сюда прилетела полиция и забрала миссис Болен. Нам придется немного помочь. – Сильвия тщетно попыталась улыбнуться. – Как бы плохо мы ни относились к Стайнерам…

– Я хорошо к ним отношусь, мама – перебил Дэвид. – А почему он погиб? Сердечный приступ? На него напали дикие бликмены?

– Неважно, как это произошло. Сейчас нужно подумать, что мы можем сделать для этих девочек. – В голове было абсолютно пусто, ни единой мысли. Ясно одно: она не хочет видеть этих девочек рядом. – Так что мы должны сделать?

– Организовать им ленч? Они сказали мне, что еще не ели: их мама как раз собиралась готовить.

Сильвия вышла из дома.

– Я собираюсь приготовить ленч, девочки, для тех, кто захочет. У вас дома. – Она немного подождала и направилась к дому Стайнеров. Когда она оглянулась, за ней шла лишь младшая.

– Нет, спасибо, – ответила старшая, давясь слезами.

– Вам всем хорошо бы перекусить, – заметила Сильвия, но в душе ощутила облегчение. – Пойдем, – обратилась она к младшей. – Как тебя зовут?

– Бетти, – робко ответила девочка. – Можно мне бутерброд с яйцом? И какао?

– Посмотрим, что там есть, – откликнулась Сильвия.

Пока девочка ела бутерброд, запивая его какао, Сильвия воспользовалась возможностью осмотреть дом. В спальне она наткнулась на предмет, очень ее заинтересовавший. Это была фотография мальчика с темными волосами и огромными блестящими глазами. Сильвия подумала, что он похож на какое-то фантастическое существо из другого мира, божественного, но и более страшного, чем наш.

Принеся фотографию на кухню, она спросила маленькую Бетти, кто этот мальчик.

– Мой брат Манфред, – с набитым ртом ответила Бетти и тут же принялась хихикать. Долетавшие среди этого хихиканья до Сильвии слова дали ей понять, что девочкам не разрешалось рассказывать кому-либо о своем брате.

– А почему он не живет с вами? – мучимая любопытством, поинтересовалась Сильвия.

– Он в лагере, – ответила Бетти. – Потому что не умеет разговаривать.

– Ай-ай-ай, – откликнулась Сильвия и подумала: «Конечно, в лагере, в Новом Израиле. Неудивительно, что девочкам запрещено говорить о нем: он – аномальный ребенок». Это опечалило ее. Трагедия в доме Стайнеров – а она даже не догадывалась. И именно в Новом Израиле мистер Стайнер покончил жизнь самоубийством. Наверняка он ездил к своему сыну.

«Значит, это не имеет никакого отношения к нам», – решила Сильвия, возвращаясь в спальню, чтобы поставить фотографию на место. Стайнера вынудили к самоубийству личные причины. Она почувствовала облегчение.

«Странно, – пришло ей в голову, – что когда слышишь о самоубийстве, первая реакция – чувство вины. Если бы я поступила не так, а этак… я бы могла предотвратить это. Я виновата». Но в данном случае все не так, совсем не так: она была совершенно чужой для Стайнеров, не имела никакого отношения к их реальной жизни и только вообразила в невротическом приступе свою вину.

– Так ты никогда не видела своего брата? – спросила она Бетти.

– Кажется, видела в прошлом году, – с сомнением проговорила та. – Он играл в пятнашки с другими большими мальчиками.

В кухню молча вошли три другие девочки и остановились около стола.

– Мы передумали, мы тоже хотим есть, – наконец вырвалось у старшей.

– Хорошо, – откликнулась Сильвия. – Поможете мне почистить яйца. И позовите Дэвида, я покормлю его вместе с вами… Ведь правда, вместе есть веселее?

Они молча кивнули.

Идя по главной улице Нового Израиля, Арни Котт увидел впереди толпу и сбившиеся к обочине машины и, прежде чем повернуть к магазину Энн Эстергази, остановился. «Что-то произошло. Ограбление? Уличная драка?»

Впрочем, выяснять времени нет. Он двинулся дальше и вскоре вошел в магазинчик, принадлежащий его бывшей жене.

– Есть кто-нибудь?! – весело крикнул Арни, засунув руки в карманы.

В магазине было пусто. «Наверное, пошла посмотреть на происшествие. Ну и бизнесмен – даже не закрыла магазин».

Не прошло и минуты, как в магазин, задыхаясь, вбежала Энн.

– Арни! – изумленно промолвила она. – О господи, ты знаешь, что случилось? Я только что разговаривала с ним, только что, не прошло и часа. И вот он мертв. – Слезы подступили к ее глазам.

Энн рухнула в кресло, достала бумажную салфетку и высморкалась.

– Просто ужасно, – проговорила она сдавленным голосом. – И это не несчастный случай, он умышленно…

– Так вот в чем дело, – проговорил Арни, жалея теперь, что не посмотрел. – И кто это?

– Ты не знаешь. У него сын в лагере, там мы и познакомились. – Она вытерла слезы. – Ну, чем я могу тебе помочь? Я рада тебя видеть.

– Мой чертов диктофон сломался, – ответил Арни. – Приличного мастера ведь не найти. Вот и пришлось приехать самому. Позавтракаем вместе? Закрой ненадолго магазин.

– Конечно, – рассеянно ответила она. – Сейчас, только вымою лицо. У меня такое ощущение, что это случилось со мной. Я видела его, Арни. Автобус прямо переехал его – он не мог остановиться… Да, хорошо бы поесть – я хочу уйти отсюда. – И она поспешила в ванную, прикрыв за собой дверь.

Вскоре оба уже шли по тротуару.

– Почему люди кончают жизнь самоубийством? – спрашивала Энн. – Такое ощущение, что я могла бы помешать ему. Утром я продала ему флейту для его мальчика – она лежала рядом на обочине, – он так и не подарил ее. Может, случившееся имеет какое-то отношение к флейте? К флейте или…

– Ну хватит, – оборвал ее Арни. – Ты здесь ни при чем. Если человек собирается покончить жизнь самоубийством, его ничто не остановит. И заставить человека сделать это ничто не

может – это его судьба, рок. Готовность совершить самоубийство зреет долгие годы, а потом ни с того ни с сего – бабах, понимаешь? – Он обнял ее и похлопал по плечу.

Энн кивнула.

– Я хочу только сказать, что ведь у нас тоже ребенок в Бен-Гурионе, но нас это не сломило, – продолжил Арни. – Это ведь еще не конец света, правда? Мы продолжаем жить. Куда ты хочешь пойти завтракать? Как насчет «Рыжей лисы» напротив? Хорошее место? Я бы не отказался от жареных креветок, но, черт, я уже год нигде их не видел. Если не будет решена проблема с транспортировкой, сюда никто не поедет.

– Только не «Рыжая лиса», – запротестовала Энн. – Терпеть не могу ее владельца. Давай попробуем зайти вон туда: этот ресторан только что открылся, и я еще не была в нем. Я слышала, его хвалили.

Пока они сидели в ожидании заказа, Арни продолжал развивать свою точку зрения.

– Когда узнаешь о самоубийстве, по крайней мере в одном можешь быть точно уверен: человек, его совершивший, знал, что не является полезным членом общества. В этом-то и заключается истинная причина – в осознании, что ты никому не нужен. Если я в чем и уверен, так именно в этом. Закон природы – она избавляется от ненужных членов их собственными руками. Так что когда я слышу о самоубийстве, меня это нисколько не смущает. Ты не поверишь, сколько так называемых естественных смертей здесь, на Марсе, на самом деле являются самоубийствами. Суровость окружающей среды отсеивает неприспособленных.

Энн Эстергази кивнула, но настроение у нее не улучшилось.

– Этот парень, – продолжила она. – Стайнер…

– Стайнер! – уставился на нее Арни. – Норберт Стайнер, делец черного рынка?

– Он продавал диетические продукты.

– Так вот это кто! – Арни был поражен. – О нет, только не Стайнер.

Господи, все свои товары он получал от Стайнера – он полностью зависел от этого человека.

К столу подошел официант.

– Это ужасно, – промолвил Арни. – Действительно ужасно. Что я буду делать?

Все его вечеринки, все уютные обеды на две персоны, которые он устраивал для себя и какой-нибудь девушки, например Марти, а особенно Дорин… Нет, для одного дня это слишком: сначала диктофон, а теперь еще и Стайнер!

– А ты не думаешь, что это имеет отношение к тому, что он был немцем? – спросила Энн. – Немцы стали такими подавленными после этой чумы, вызванной их лекарствами, после детей, рождавшихся с ластами. Я разговаривала с одним из них, так он прямо сказал, что они считают это божьим наказанием за годы нацизма. И это был не религиозный человек, а бизнесмен здесь, на Марсе.

– Чертов тупица Стайнер! – взорвался Арни. – Кретин!

– Ешь, Арни. – Энн развернула свою салфетку. – Суп выглядит очень аппетитно.

– Я не могу есть. Не желаю есть эти помои. – Он оттолкнул тарелку.

– Ты все еще ведешь себя как большой ребенок, – заметила Энн. – Все так же капризничаешь. – Она говорила мягко и сочувственно.

– Черт побери, да я иногда ощущаю на своих плечах тяжесть всей планеты, а ты называешь меня ребенком! – Он уставился на нее с нескрываемой яростью.

– Я не знала, что Норберт Стайнер был дельцом черного рынка, – заметила Энн.

– Естественно. Откуда тебе знать, тебе и всем твоим женским комитетам? Что ты вообще знаешь об окружающем мире? Для этого-то я и приехал – я прочитал твое последнее приложение к «Таймс», и меня воротит от него. Прекрати печатать подобную чушь – интеллигентных людей от нее тошнит, она годится только для таких идиоток, как ты.

– Пожалуйста, ешь. И успокойся, – ответила Энн.

– Я собираюсь назначить своего человека, который будет проверять материал, который ты распространяешь. Профессионала.

– Неужели? – спокойно откликнулась она.

– Перед нами стоит настоящая проблема – с Земли перестали приезжать профессионалы, в которых мы действительно нуждаемся. Мы гнием – и все это понимают. Мы распадаемся на части.

– Кто-нибудь займет место мистера Стайнера, – улыбнулась Энн, – есть же на черном рынке другие дельцы.

– Ты сознательно пытаешься представить меня жадным и мелочным, в то время как на самом деле я – один из самых ответственных участников колонизационного процесса на Марсе, потому-то наш брак и распался – ты специально принижала меня из ревности и соперничества. Не знаю, зачем я сюда приехал, с тобой невозможно разумно разговаривать, тебе обязательно надо во всем переходить на личности!

– Ты слышал о законопроекте Объединенных Наций, предполагающем закрытие Бен-Гуриона? – невозмутимо спросила Энн.

– Нет.

– И тебя не волнует, что Бен-Гурион могут закрыть?

– Черт, мы в силах обеспечить Сэму индивидуальный уход.

– А как насчет остальных детей?

– Не уходи от темы. Послушай, придется тебе смириться с тем, что ты называешь мужским засильем, и давать редактировать свою писанину моим людям. Честное слово, от тебя больше вреда, чем помощи, – мне очень неприятно говорить тебе такое, но это правда. Враг не напакостит больше, чем ты своим дружеским расположением. Ты – дилетантка! Как большинство женщин. И абсолютно безответственная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.